

Константин
Бахарев

Стальной
конвой

16+

Константин Бахарев

Стальной конвой

«Автор»

2017

Бахарев К. П.

Стальной конвой / К. П. Бахарев — «Автор», 2017

Середина 21 века. Во всемирной катастрофе погибли миллиарды людей. Выжившие образуют союзы, перерастающие в государства. Идут бесконечные локальные конфликты. В Европе власть принадлежит потомкам эмигрантов из Африки и Азии. Впитавшие культуру новой родины, они именуют себя «чёрными викингами». Их цель - завоевать мир. Новые викинги воинственны и упрямы. Они воюют сразу на три фронта – с теми, кто выжил в Скандинавии, с остатками балканских народов и населением русских равнин. Здесь существует Республика Евразия. Её отряды отбили первый натиск «чёрных викингов». Но второго удара можно и не выдержать. Поэтому на восток, в Сибирь и на Дальний Восток, отправляется конвой бронепоездов - искать возможных союзников в борьбе с «чёрными викингами». Схватки с неведомым, новые друзья и новые враги.

© Бахарев К. П., 2017

© Автор, 2017

Февраль 2053. Налёт

С утра в Кунгуре выжило, но потом погода успокоилась, и с неба засияло нежаркое февральское солнце. К вокзалу на санях подъехал начальник станции. Привязав лошадь к коновязи, он осмотрелся. Несмотря на то, что утренняя метель заровняла снег, его уже испятнали следы. Люди знали, что сегодня через Кунгур в сторону Екатеринбурга пройдёт поезд, и вечером вернётся. Многим надо было побывать в Перми, как по служебным делам, так и по личным. На лошадях за сотню вёрст много не наездишься, а бензина для автомобилей было в обрез. Проще сэкономить на топливе и скататься в город на бронепоезде. Вот и начали потихоньку собираться на вокзале.

Зайдя в свой кабинет, начальник станции начал дозваниваться до Перми. Связь шла через два коммутатора.

– Ергач, Ергач, – бубнил он в трубку телефона, подкручивая ручку зуммера.

– Слушаю, Ергач, – услышал он через пару минут женский голос.

– Опять по своим делам носилась, Света? – сурово спросил железнодорожник. – А если чего случилось бы? Инструкцию забыла? Я вот докладную на тебя подам.

Бойкая Светлана из Ергача ловко отбрила абонента, сославшись на неполадки связи, и соединила его с центральным коммутатором в Перми. Оттуда перевели на железнодорожную станцию Пермь II.

– Это Кунгур звонит, – представился начальник станции.

– Здорово, Григорьевич, – донёсся до него бодрый баритон дежурного по станции. – Знаю, зачем на связь вышел. Сообщаю тебе государственную тайну, бронепоезд со снегоочистителем вышли к вам два часа назад. Так что скоро придут. Я там тебе лекарства послал, папаверин, нош-па, жене твоей от давления снадобья. В общем, всё по списку. Народу скажи, что через неделю к вам медицинская бригада выезжает, диспансеризацию делать будут. Пусть ваш мэр место для них приготовит. Понял меня?

– Всё понял, Николай Аркадьевич, спасибо, – кунгуряк посопел носом. – Я тебе мешок с лосятиной и бутылёк медвежьего жира со снегоочистителем отправлю. Там машинист-то Игорь Чудинов?

– Ага, он.

– Ну ещё раз спасибо, жди гостинцев. До свидания.

– Всего хорошего, супруге привет.

Григорьевич положил трубку, откашлялся, сплюнул жёлтой слюной в урну, и хотел было выйти в зал вокзала, но подумал, что с бронепоездом может какое-нибудь начальство прибыть, а у него оружие не чищено.

Он расстелил на столе кусок серой ткани, разложил на нём автомат Калашникова и потратил минут двадцать на разборку, смазку, чистку и сборку. Снарядил два магазина патронами, и аккуратно положил оружие на край стола. Никаких боёв в ближайшее время не предвиделось, но начальство требовало быть всегда наготове. А Григорьевич и не протестовал. Надо, значит, надо.

Окончив возню с оружием, он свернул самокрутку и закурил, выпуская синий дым в сторону огромной картины, висевшей в кабинете начальника станции с незапамятных времён, чуть ли не со сталинской эпохи. На ней сидел за столом грустный Ленин и что-то писал.

Но докурить Григорьевич не успел. В зале послышался шум, движение и он вышел из кабинета.

– Едёт, – встретили его весёлыми возгласами собравшиеся пассажиры. – Шумит на подходе.

Выйдя на нечищенный перрон, начальник станции повернулся направо, в сторону Перми, выглядывая составы. И вправду раздавался шум снегоочистителя, но почему-то с восточного направления. Григорьевич повернулся и удивился. Со стороны Екатеринбурга шли поезда. Впереди, как и положено, снегоочиститель, за которым были прицеплены четыре вагона, за ним тепловоз, тоже с четырьмя вагонами. Они прошли по станции не торопясь, но и не останавливаясь. Уборщик снега вышел за стрелки, с него соскочили двое, перевели их на первый путь, и поезд двинулся обратно. Пройдя мимо перрона, он засыпал стоявших там снегом, притормозил, молчаливый мужик отцепил вагоны и снегоочиститель ушёл обратно, на восток.

В это время его путь повторил второй поезд. Пройдя по чищеному пути, он остановился у перрона. Григорьевич рассмотрел стальные башни с толстыми пулемётными стволами, и только тут догадался, что надо бежать, звонить, срочно сообщать, но не успел. С неизвестного поезда начали выпрыгивать люди с оружием.

– Всем стоять! – закричал кто-то из них. – Стоять, а то убьём!

Начальник станции всё-таки бросился в здание вокзала.

– Дверь, дверь не успею открыть, – мелькнуло в голове. – Пристрелят.

Но дверь открылась ему навстречу, в проёме показалась чья-то запыхавшаяся физиономия. Григорьевич снёс этого человека с пути и добежав до кабинета, схватил автомат и подсоединил к нему магазин.

Держа оружие в левой руке, правой он бешено закрутил ручку зуммера и схватил трубку.

– Ергач, Света, ответь! – закричал он. – Света, где ты!!!

– Да слушаю тебя, прошли твои поезда, давно прошли...

– С восточного направления поезд, люди с оружием, – кричал железнодорожник, но тут в зале прогреготала пулемётная очередь. Он присел, выронив трубку. В ней бился голос Светы: «Григорьич, Григорьич!».

Начальник станции распахнул дверь и увидел, как в распахнутые двери с перрона людей загоняют внутрь. Разбитое очередью стекло в окне рухнуло, он подбежал к нему, увидел стоящий поезд, бандитов с автоматами, пулемётные башни, направленные на вокзал, и открыл по ним стрельбу.

Пулемёт с поезда загремел, щербя стены старинного вокзала, и почти сразу крупнокалиберные пули разорвали грудь кунгурского железнодорожника. В зале закричали раненые, но он этого уже не услышал. Пули отбросили его почти на два метра от окна, автомат упал на пол, и глядя невидящими глазами в разбитое окно, Григорьич умер.

Бой на колёсах

На подъезде в Кунгуре наблюдатель заметил на автомобильном мосту машущего руками человека в белом тулупе. Снегоочиститель встал, из его кабины высунулся разведчик Саня Орлов.

– Что махаешь там? Иди сюда, – проорал он.

Тот сел на стоявший рядом с ним снегоход и вскоре подъехал к тепловозу, спереди увешанному мощными стальными листами для отбрасывания снега. Заглушил движок, откашлялся и просипел: «Черти какие-то налетели. Грабят Кунгур, народ в вагоны пихают, убили четверых, надо срочно предупредить»

– Чёрные? – насторожился Орлов

Мужик помотал головой

– Нет, наши, на русском говорят.

При расспросе его командиром разведгруппы выяснилось, что утром на станцию Кунгура с востока заехал снегоочиститель. Прошёл за стрелки, перевёлся на другой путь, и укатил обратно. На станции ждали «Фантомаса», но со стороны Перми. В помещении вокзала

собрались люди, они хотели уехать в город, когда разведка пойдёт обратно. Однако, вскоре их удивление окончилось. Вслед за неизвестным снегоочистителем на станцию вошёл поезд с пулемётными башнями, обстрелял вокзал, высадил десант. Начальник станции вытащил автомат и открыл ответную пальбу, но по нему засадили из пулемёта. Четыре человека погибли, троих ранило. Неизвестные вооружённые люди окружили вокзал, погнали всех в оставленные вагоны. Сейчас их загружают имуществом со станционного склада. Сам же бандитский бронепоезд ушёл вслед за своим снегоочистителем. Но, видимо, вернётся за вагонами с пленниками.

– Ну, что думаешь, – спросил командир взвода у комбрана. – Как поступим?

– Мы на чётном пути стоим, – подняв брови, начал думать вслух железнодорожник. – Те у перрона тоже на нём же. Снегоочиститель сейчас пускаем, на нём твоих бойцов с десятков. Врываемся на станцию. Разведчики завяжут бой. А мы, как они пройдут, вручную, курбелем переводим стрелки и пускаем «Фантомаса» по нечётному пути. Встаём рядом и пушками с пулемётами поддерживаем твоих. Согласен?

На снегоочиститель сели командир разведки, и пять бойцов, в том числе Юсеф и Саня Орлов, фанаты пистолетного боя. В отличие от вооружённых автоматами десантников у них были только пистолеты. По два Макарова на каждого.

– Где курбель? – зашумел комброн на своих. – Быстрее, мужики, уйдут гады.

– Да здесь он, здесь, – машинист первого дизель-вагона глянул на уже тронувшийся снегоочиститель. – Ну, с богом. Поехали.

Поезда взяли скорость и понеслись к станции. Плавно вошли в левую кривую, прогрохотали по мелькнувшему мосту через Ирень. Снегоочиститель разбрасывал снег, белая пурга заслоняла от глаз бойцов дома и постройки возле путей. Три километра до станции проскочили быстро. Поезд с бойцами, дав протяжный гудок, со скрипом затормозил возле стоявших у вокзала вагонов. В это время спрыгнувшие на пути железнодорожники курбелем перевели стрелки. Через минуту «Фантомас», направив свои внушительные стволы на растерявшихся бандитов, подошёл вплотную по второму пути.

– Ложись! – заорали прыгавшие на перрон десантники. – Руки вверх, оружие бросай!

Первыми из вагона выскочили Саня Орлов и Юсеф, и затанцевали на истоптанном снегу, открыв быструю стрельбу из своих Макаровых. Для начала они сбили пулями шапки с троих неизвестных налётчиков. («Пощекотали скальпы», как обычно выражались стрелки). Оглянувшийся на шум подходящих поездов невысокий, в кожаной куртке бандит левой рукой вскинул ствол автомата, нажимая в это же время на спуск. Дважды щелкнул ПМ Сани, и автоматчик, с пробитой пулями грудью, откинулся назад, на истоптанный снег перрона.

Ещё один наладился открыть стрельбу из того же окна, что и погибший начальник станции. Его неприцельная очередь шарахнула по стальным щитам снегоочистителя. Больше выстрелить он не успел. Прыгнув вперёд для расширения сектора стрельбы, и развернув на лету корпус, Юсеф прострелил ему правый локоть и плечо. После этого схватка закончилась. Оставшиеся бандиты бросили оружие и подняли руки. Бой не продолжался и минуты.

Командир разведвзвода приказал связать их, и забросить в вагон «Фантомаса». Десантники быстро обрыскали вокзал, уточнив у освобождённых кунгуряков количество нападавших. Те подтвердили, что их было шестеро. Остальные, после захвата вокзала и пленников уехали на своём бронепоезде. В итоге молниеносной операции один убит, один ранен, четверо захвачены.

Снегоход отправили в сторону, откуда появились бандиты, на пешеходной эстакаде станции выставили наблюдателей. Два бойца с автоматами, взяв с собой рацию, поплелись по глубокому снегу к лестнице, перекинутой через станционные пути.

– Я бинокль забыл, – один из них остановился. – Ты иди, я догоню.

– Эх, растяпа, – качнул головой напарник, – Давай быстрее.

Забывчивый разведчик пошёл назад, но недалеко. Подождав, когда его товарищ проложит в сугробах хоть какую-никакую тропку, он пошагал вслед за ним.

– Ты что так быстро? – удивился тот, оглянувшись на шорох снега под ногами.

– Да бинокль в кармане оказался. Ладно, пошли наверх.

– Ну пошли, бестолковый.

Через десять-пятнадцать минут, когда командир только начал допрашивать пленных, наблюдатели по радиации сообщили, что с востока идёт чужой бронепоезд.

– Тревога! Все на борт! – Комброн дал команду двигаться навстречу, и наклонившись к подбежавшему командиру разведки, попросил того остаться на вокзале, на всякий случай. – Вдруг прорвутся, а ты их огнём встретишь. Оставь с собой человек десять.

«Фантомас» тронулся с места, набирая ход.

Стрелки заняли свои места у пушек и пулемётов. Разгорячённые недавней схваткой десантники опускали бронешалюзи на окна, устраниваясь возле бойниц.

По радиации патруль снегохода прохрипел, что по нему палят из автоматов, и он укрылся за домами. Через минуту комброн, перешедший в переднюю кабину «Фантомаса», увидел вражеский бронепоезд. Точнее, короткий состав с тепловозом впереди. Железные вагоны, с торчащими из окон стволами. На двух сверху установлены пулемётные башни. По ним уже открыли огонь наблюдатели с пешеходной эстакады. Пули искрились о броню, разлетаясь раскалёнными светлячками в стороны.

Неизвестные враги ответили огнём из пулемётов. До эстакады они не доставали, не хватало угла вертикальной наводки, тогда пальба пошла по бронепоезду. Пули ударили по стёклам кабины. Бронешалюзи загрелись, машинист отшатнулся назад, но управление не бросил.

– Огонь! – закричал комброн. Четырёхстволка в кабине «Фантомаса» зарокотала, на пол посыпались горячие гильзы, понесло кислым, жжёным. Это пахло сгоревшим порохом. Заработала пушка из вагонной башни. В кабине встречного тепловоза разлетелись лобовые стёкла, что-то вспыхнуло там, заискрило синим. Пушка, дав короткую очередь, замолкла – противник вошёл в мёртвую зону. Помощник машиниста, оскалившись, вывернул свою четырёхстволку влево до упора и прочесал огнём бочины вражеских вагонов. От них полетели клочья обшивки, железо бортов вмялось под ударами бронебойных пуль.

Поезд мелькнул мимо, комброн увидел окна, заваленные мешками. «Блиндированный» – мелькнула мысль. Из окон бандиты вели шквальный огонь. Бронешалюзи грохотали от попаданий, прозрачная броня кабины покрылась сеткой трещинок.

С левого борта «Фантомаса» к схватке подключился спаренный пулемёт и разведчики, стрелявшие из бойниц. Пальба продолжалась всего несколько секунд, составы проскочили мимо друг друга на встречных курсах.

– Тормози! – приказал комброн машинисту, и откинув стопор на потолке, открыл верхний люк. Высунув голову, он огляделся. По также вставшему вражескому поезду вели в упор стрельбу из задней кабины «Фантомаса». Десантники били короткими очередями по окнам. С перрона и с эстакады по нему тоже шла активная стрельба. Враг огрызался частым автоматным и пулемётным огнём.

Комброн схватил трубку телефона прямой связи с артиллерийским вагоном.

– Алло, Серёга! – закричал он. Услышав отклик, приказал: – Палите по рельсам, по стрелкам на его пути, рубите ему отход!

Но противник, видимо, тоже оценил ситуацию. Проехать вперёд он не мог, мешали стоящие там вагоны и снегоочиститель. Поэтому бандитский поезд ринулся назад. Его притормозивший тепловоз начал разгон задним ходом. Из окон в сторону «Фантомаса» полетели гранаты. Ударившись о вагоны, они падали вниз, взрываясь меж путей. Осколки врезались в железо бортов обоих бронепоездов. Комброн приказал идти полным ходом вперёд. Он наде-

ялся опередить врага, набрать дистанцию для прицельной пушечной стрельбы, разворотить задний вагон, снести его с рельс и захватить чужой состав.

Однако, мощный тепловоз неизвестных бандитов, хоть и серьёзно повреждённый, не дал форы дизелям «Фантомаса». Минуты три-четыре они шли параллельно друг другу, на расстоянии буквально метра. Такой стрельбы в упор из автоматов и пулемётов никто из разведчиков не помнил, хотя все воевали уже несколько лет. Ринат увидел чьи-то бешеные сощуренные глаза, мелькнувшие вблизи, под ними автоматный ствол, полный огня. Как показалось разведчику, пламя ударило прямо ему в лицо. Он упал на пол и с десяток пуль, проскочивших сквозь бойницу, вонзились в противоположный борт вагона. Грохот и шум стояли невероятные. Между вагонами поездов, мчавшихся рядом друг с другом, бушевало пламя из оружейных стволов, опалая краску на бортах. Попавшие внутрь вагонов пули взвизгивали, рикошета. Поднявшись, Ринат закричал что-то и нажал на спуск автомата. За окном мелькнул чужой вагон, лежавшие в его окнах мешки как будто взрывались изнутри, осыпаясь серым песком.

Хотя покрытые бронью стены и выдержали огневой натиск, немало пуль попало внутрь сквозь бойницы. Раненые корчились на полу, прижимая кровь ладонями.

«Фантомас» упускал врага, тот вырывался вперёд. Комброн решил отпустить его немного и разнести сам тепловоз, благо, что тот выходил в зону пушечного огня.

Но, этот план тоже не сработал. Пройдя прямую до Чикалей, и войдя в кривую, бронепоезда неслись на Кишертъ. Вдруг перед «Фантомасом», на его пути возникла бронедрезина. Из откинутого люка на её верхушке по бронепоезду начали садить из автоматического гранатомёта. Бронежалюзи на кабине загрохотали, разрываясь на части. Но молниеносно ударивший из четырёхстволки стрелок утихомирил наглцов. Скорострельное оружие быстро раскурочило железнодорожного уродца, однако ход пришлось замедлить. Прозрачная броня на окнах кабины, лишившаяся защиты, потрескалась и побелела от множества трещин. Машинист сбавил ход, опасаясь налететь на бронедрезину. Комброн снова высунулся наружу, но тут же убрался внутрь – из пушечной башни шла интенсивная пальба, прямо над головой летели очередями снаряды.

Открыли бойницы, «Фантомас» двинулся вперёд. Ни вражеского поезда, ни бронедрезины видно не было. Только вдалеке, за Кишертью что-то дымилось.

Преследование продолжилось. После нескольких кривых вышли на прямую. Впереди мост через Сылву, за ним станция Шумково. Перед мостом разогнавшийся «Фантомас» притормозил и остановился метрах в трехстах от берега. «Мосты, поезда, партизаны» – появилось в голове комброна. И не зря. Видно, нервы не выдержали у противника. Они не стали дожидаться, когда бронепоезд въедет на мост. У берегов мелькнуло пламя зарядов. Вверх взметнулись столбы снега и земли. Полотно на мосту как будто кто раздёрнул в разные стороны. Рельсы, опоры, балки скрылись в круговерти дыма и снежной пыли. Когда эта пелена осела, моста не было. Железные обломки запрудили было течение, чёрная вода Сылвы выплеснулась на изломанный лёд. Но вскоре она вновь ушла в своё русло.

Пушкари дали ещё пару очередей. В кабине звякнул телефон.

– Командир, вы живы там? – спросил машинист из задней кабины. – Мне запускаться?

– Давай, – устало ответил комброн и пошёл по вагонам, смотреть, как потрепали его «Фантомаса».

В артвагоне его подозвали к рации. На связь вышел вертолёт.

– Алло, «Фантомас», вы живые? – спросили комброна. – Это «Центавр» на связи.

– Никто вроде не погиб, – командир оглядел изрядно потрёпанный вагон. Брonestаканы пушечных башен исцарапаны пулями и осколками, на изорванной жёлтой коже диванов кровь, бинты. Разведчики перевязывали друг друга. – А вы откуда здесь взялись?

– Телефонистка из Ергача тревогу подняла, – ответили лётчики. – Наше дежурство как раз. Мы из Савино сразу сюда. Вас видели, когда гнались за ними. У этих фраеров ПЗРК есть, к стати. Они по нам шарахнули.

Вертушка, оказывается, прошла над ними во время боя и даже сделала боевой заход на бандитов в Шумково. Но там по ней запустили ракету из переносного зенитного комплекса. Летуны уклонились, решили не рисковать, и не стали напрашиваться на дополнительное угощение. По станции стрелять не стали, вдруг там местные жители.

«Центавр» сел прямо на пути, в него погрузили девять раненых, и вертолёт ушёл в Пермь.

Из сводного обзора погранохраны. 2053 год

«Пограничные завесы расположены на северо-западном, западном и южном направлениях.

С начала года нарушений демаркационной линии и появления противника в нейтральной зоне не зафиксировано. По данным от шатунов, трофейщиков и прочих известно, что в Москве формируются независимые жилые сообщества. Об этом поставлена в известность служба контрразведки.

На северо-западном направлении, в районе Весьегонск-Вологда-Кострома-Ярославль активно оперируют малочисленные вооружённые формирования сил самообороны сёл и городов. Между ними периодически происходят столкновения с применением стрелкового оружия, гранатомётов, огнемётов и миномётов. По нашим данным, с начала года в районе Рыбинска, Уткино, Судиславля отмечены двенадцать боёв между различными группировками. В основном, столкновения происходят из-за дележа военного имущества, запасов продовольствия. Также зафиксированы пять нападений на пограничные эскадроны.

Так, в феврале бандгруппа из десяти человек напала на базу Нерехтской комендатуры, ранив двух пограничников. После отражения атаки было организовано преследование нападавших. Восемь из них убиты, двое взяты в плен. На допросе они показали, что являются жителями Козьмодемьянска, как и остальные члены банды. От столкновений с чёрными уклонились, пересидев войну в лесах. Командир бандгруппы, убитый в бою, по их словам, решил организовать своё царство, и с этой целью приступил к подчинению жителей близлежащих населённых пунктов. Пленные отправлены в Казань.

В остальных столкновениях пограничники потерь не имели. Обычно, поняв, что в бою участвуют пограничники, бандгруппы отступают, не желая иметь в последующем неприятностей.

На территорию Москвы, исполняя условия мирного договора, пограничники не заходили. Известно, что там накапливаются беженцы из различных регионов. Они активно занимаются огородничеством, мелким производством, некоторые пытаются наладить связи с другими городами. Все опрошенные шатуны и трофейщики показали, что в большинстве жилых сообществ установлены жёсткие правила общежития. Те, кому они не нравятся, убегают, как на территорию Республика Евразия, так и в южные регионы. Беглецов, при поимке, обычно казнят. Пограничники в эти проблемы не вмешиваются. Представителей чёрных в Москве не видели.

На западном направлении, на линии Кремлёво-Раненбург-Липецк-Таловая-Белая Калитва вооружённых формирований не зафиксировано. Отмечен поток беженцев с западных регионов. Пограничники направляют их в Казань.

Игорь Неверовский, бывший житель Новозыбкова, сообщил, что чёрные перестали убивать местных жителей, а увозят их на запад. Однако целенаправленной охоты на людей нет. Сторожевые конные отряды викингов хватают тех, кого находят при патрулировании. Перехода границы с их стороны не зафиксировано.

На южном направлении граница установлена по Керченскому проливу. По линии Гагры-Георгиевск-Ставрополь проходит граница разграничения ответственности с Джунгарией. Таманский полуостров и Северный Кавказ после катастрофы практически обезлюдели. Здесь примерно проживает не больше 20 тысяч человек. По сведениям калмыков, в горах проживают обособленные кланы, но ведут крайне замкнутый образ жизни.

В Крыму, по данным рыбаков, есть некие общины, но проверить это сообщение нельзя, поскольку полуостров является нейтральной зоной и пограничникам посещать его запрещено.

На Чёрном море, кроме рыбодобытчиков, судов крайне мало. 26 апреля погранпост Мысхако зафиксировал появление траулера под красно-бело-зелёным флагом, но к берегу тот не подошёл.

В феврале и марте погранпост Туапсе фиксировал звуки артиллерийской стрельбы, идущие с моря. 11 марта на берегу к защитному молу порта Туапсе прибило два мужских трупа...»

«На восточном направлении пограничные завесы не выставлялись в связи с отсутствием необходимости»

Из оперативных сообщений контрразведки:

..В марте жители деревни Куганаволок на Водлозере сообщили, что охотники видели автоколонны чёрных викингов на трассе Пудож-Медвежьегорск, двигавшиеся на север. В то же время на них выходили разведгруппы финской армии. Финны сообщили об упорных боях в районе Сортавала и Питкаранта. Предлагали жителям Куганаволок оказать им помощь диверсионными действиями против чёрных...

..Агентура в Москве сообщает, что здесь организованы до десяти жилых союзов. В основном это беженцы с западных регионов. Имеют стойкую неприязнь к викингам, активно строят оборонительные сооружения на реке Москва. Лидер поселения, расположенного между Яузой, рекой Москва и Садовым кольцом Анатолий Хван ищет союзников. Периодически между жилыми союзами возникают перестрелки, вызванные дележом территории...

..Московское метро частично затоплено, им практически никто не пользуется для передвижений. Под землёй оборудованы склады оружия, продуктов, вещей...

..В январе под Старым Осколом поисковой группой контрразведки был захвачен воин полка «Локи», входящего в третий корпус прорыва. Поскольку при захвате он получил тяжёлые ранения, доставить его на нашу территорию не смогли. При интенсивном допросе воин показал, что после перемирия с Евразией значительное количество подразделений викингов брошено на покорение Финляндии. Но победы добиться не удаётся. Ранее этот воин сражался на Балканском полуострове. По его словам, сербы, черногорцы, греки начали сдавать свои позиции, особенно после того, как у викингов появились союзники из числа жителей Ханства Сельджуков...

..По сообщению жителей полуострова Крым, они настроены на решительную борьбу с чёрными викингами. Укрепляется Перекоп, подходы к нему со стороны материка полностью заминированы на километры. Всего в Крыму примерно проживает около 30 тысяч человек, больше половины из них беженцы с Молдавии, Украины, южных областей России. Исполняя поручение о зондировании настроений о переселении в Крым беженцев с Балкан, выяснено, что реагируют на это они положительно...

..В Севастополе добровольцы пытаются починить ряд военно-морских судов и оборонительных сооружений. Опасаются вторжения со стороны Ханства Сельджуков...

..В направлении Екатеринбурга, Челябинска, юго-востока, оперативно-поисковая работа не велась из-за отсутствия оттуда какой-либо угрозы и нехваткой личного состава. Информации с тех мест нет...

Годом ранее – лето 2052

После грандиозного сражения на Самарской Луке начались переговоры с викингами. Наследники европейской культуры требовали очистить Великие Русские равнины, угрожая новым нашествием. Границу они хотели провести по Уралу. Но зная горячую и хвастливую натуру пришельцев, чьи предки ещё полтора столетия назад обитали в арабских пустынях и африканских джунглях, никто из русаков не боялся этих угроз. Силы обеих сторон после двухгодичной войны пришли в расстроенное состояние. К наступлению никто не был готов.

Переговоры шли на самой Луке, там, где ещё недавно грохотали пушки и пулемёты, а в воздухе пластались меж собой пятнистые вертолёты.

Русаки и викинги общались в зале совещаний здания Жигулёвской ГЭС. Волжский ветер разворачивал над ним белый треугольный стяг европейцев с вышитым чёрным вороном и красное полотнище Евразии, обшитое белой каймой. Золотой орёл в центре флага надменно поглядывал на заносчивого ворона. Рядом с евразийским стягом хлопал по ветру палевый штандарт союзных калмыков. Восседавший там Дору-Тенгри внимательно наблюдал за грозными птицами на стягах, зная их суровую цену. Сама Лука считалась нейтральной зоной, и по ней лишь иногда проезжали верховые патрули. Около памятника Шойгу недавние враги встречались, передавая друг другу нарушителей. Бойцы и русаков, и викингов постоянно шныряли в окрестностях в поисках боеприпасов, оружия и других полезных вещей. Бронзовый спасатель, защитивший четверть века назад Самару от бешеной воды потопа, сурово глядел на плотину гидроэлектростанции, не замечая суеты.

Смуглые и чернокожие всадники, собираясь в тени памятника, смотрели презрительно на своих визави. В разговор они обычно не вступали, молча отстёгивая от стремян пойманного нарушителя и пинком в спину отправляя его к своим. Русаки глядели исподлобья, придерживая на толстых брезентовых поводках могучих псов-волкодавов. Калмыки, словно приросшие к своим иноходцам, бросали оценивающие взгляды на конных арабов. Только перемирие мешало им вновь, как несколько недель назад, схлестнуться в яростной схватке без правил.

Дипломатия окончилась довольно быстро, не прошло и двух месяцев, потраченных на хитроумные разговоры. В конце августа 2052 года Гражданин Всех Истин Конан Париж-Стамбул и президент Евразии Сергей Ложкин договорились о разделе территорий. Граница прошла через Москву по бывшим автодорогам «Дон» и «Холмогоры». Кроме того, было условлено, что на двести километров от раздельной линии никто не мог основывать поселения или проживать в бывших городах и сёлах. Также в этой зоне отчуждения запрещалось заниматься любой деятельностью. Здесь могли появляться только пограничные патрули. После этого высокие договаривающиеся стороны, не раскланиваясь, и вообще не проявляя никакого уважения друг к другу, расстались.

Парень с Червонной Руси

Полуэскадрон пограничной стражи возвращался с трёхмесячного патруля. Солнце августа безжалостным жаром вышибало солёный едкий пот из людей и лошадей. Выскочив на шоссе, бывшее когда-то федеральной автотрассой «Урал», всадники перешли на шаг. Белошкурые волкодавы с высунутыми языками предпочли бежать среди невысоких берёз, укрываясь под их листвой от горячих небесных лучей. До Сызрани, где квартировал штаб Волжского округа, оставалось около десяти километров. Вдалеке виднелась Волга.

Конники не спеша ехали по изъеденному дождями, морозами, кустами и деревцами асфальту, переговариваясь о своих делах. Лошади ловко обходили ржавые каркасы автомобилей, гнивших на шоссе второй десяток лет. Под копытами хрустели сухие ветки, мусор, мелкие куски пластика от машин. Из кабины заваленного на бок большегрузного автомобиля чёрным облаком выпорхнул ворон. Жеребец комэска дёрнулся в сторону, испугавшись лесной

птицы. Всадник нагнулся, и успокаивая коня, погладил его по шее. Пограничники засмеялись. Настроение было прекрасным, впереди их ожидал полугодовой отпуск.

Вдруг справа, из густых зарослей молодого березняка, донёлся выстрел, потом ещё один. Потом стрельба загрохотала очередями, над лесом взвились испуганные птицы.

Пограничники быстро повернули коней влево и укрылись в деревьях – таком же березняке, заповитившем за последние двадцать лет пустующие поля Великих Русских равнин. Вышколенные волкодавы прилегли на пузо и молча поглядывали на своих вожатых, ожидая команды.

Вскоре бойцы увидели, как на дорогу выбежал мужчина в изорванной камуфляжной куртке, брезентовых штанах и с автоматом в руках. Оглянувшись назад, он прыжком заскочил в промоину под осевшим на дисках железным скелетом микроавтобуса, и глянув по сторонам, притаился.

Стрельбы больше не было. Птицы успокоились. Незнакомец лежал не двигаясь. Внезапно он повёл головой, услышав всхрапывание лошадей, и осторожно приподнялся, вновь осматривая окрестности.

– Эй, мужик, – негромко позвал его Яков Седых, старшина эскадрона. – Ты не дёргайся, а то убьём.

Тот поводит глазами, определяя, с какой стороны к нему обратились, но увидеть пограничника не смог.

– Клади ствол! – резко повелел Седых. – Или лови пулю!

Незнакомец медленно отложил автомат, расстегнул куртку, снял её, встал, поднял вверх руки и, оглянувшись на березняк, откуда выбежал, согнувшись, пошёл к деревьям.

Его обыскали. Спички, зажигалка, большой складной нож, клубок шнура, бутылёк с самогоном, больше ничего.

Командиру эскадрона Руслану Набокову он пояснил, что родом с Угорской Руси. Зовут Николай Манжура. После начала наступления викингов их отряд самообороны разбили вдребезги, он бежал на восток. До позапрошлого года жил с группой беженцев – там собрались кто откуда – на левом берегу Днепра. Только немного отаборились, успокоились, снова появились чёрные викинги. Пощады не дали никому. Он снова бежал. Зимой провёл в Курске. Увидел колонны войск викингов. Понял, что кто-то с ними ещё сражается. Пошёл дальше на восток. Вышёл в эти места. Решил идти рядом с дорогой, вдруг наткнётся на врагов этих викингов. Устал, прилёг, его скрутили двое чёрных. Хотели пытаться, но он успел перепилить верёвки куском стальной зубристой проволоки, припрятанной в обшлага рукава куртки.

– Давно уже положил, – Манжура устало улыбнулся. – Симпатичная пилочка, и вот пригодилась.

Чёрные затеяли разжечь костёр – без раскалённого железа с белыми они не разговаривали. Тут Манжура схватил отложенный одним из них автомат. Несколько раз выстрелил, побежал, перекинул на стрельбу очередями, перекрестил ими викингов и в лес.

Старшина Седых глянул на эскадронного, тот кивнул. Седых и ещё пять пограничников, оставив коней, быстро пересекли дорогу и скрылись среди берез.

Позже, окончив допрос, комэска Набоков внимательно осмотрел покойников. Два смуглых араба в костюмах-невидимках, из снаряжения автомат Браунинга, такой же, как принёс Манжура, пара пистолетов, ножи, зажигалки, консервы, сушёные финики, прочее необходимое имущество бойцов. Возле ёлки резаные верёвки, рядом шающий костерок, в нём стальная ложка, привязанная к палке. Слова беглеца подтверждаются, вроде бы. Но что так далеко от границы, почти в тысяче километров, делали чёрные викинги? С прошлой осени, с самого перемирия, никого из них не бывало у Волги.

– Трупы забрать, – скомандовал Набоков. – Взять собак, пройти с ними по следу этих бойцов. Подбирать всё, что найдёте.

Забивать себе голову причинами появления викингов он не собирался – для этого есть люди из контрразведки. Но тщательно осмотреть место он был обязан.

Вечером полуэскадрон прибыл в Сызрань. Однако отдохнуть им не пришлось. В штабе Волжского округа их ждал приказ – немедленно, со всем скарбом выдвинуться в Казань, нынешнюю столицу Евразии. Пограничники уже ночью погрузились в ожидавший их эшелон, и разместив своих лошадей, псов-волкодавов, загрузив снаряжение и оружие, завалились спать в купейных вагонах со старинной серо-красной раскраской Российских железных дорог. Второй полуэскадрон, под командой заместителя комэска Ирека Галимова, ещё вчера убыл в Казань.

Трупы арабов, и то, что нашли при них, Набоков передал хмурым парням из информационной службы. Николай Манжура, дав показания, напросился ехать с пограничниками. Его никто ни в чём не подозревал. Уже много лет было известно, что нынешние властелины Европы просто убивали всех людей с белой кожей, мстя за вековые грабежи и массовые убийства своих предков. Манжура сообщил, что намерен заняться огородничеством где-нибудь на Урале или в Башкирии.

– Я слышал, там земля хорошая, – сказал он старшине Седых. – Капусту буду растить, с морковкой и картошкой. Корову заведу и лошадь. И, наверное, даже женюсь.

Пограничники, почти все из Пермского края, не были дома уже четыре года, болтаясь по фронтам. Послушав разговоры Манжуры, многие подумали, что было бы неплохо вернуться домой, и пожить спокойной жизнью.

– Медкомиссию пройдёшь и в войска попадёшь, – ответил беглецу с Угорской Руси прямолинейный Седых. – Мужик ты здоровый, будешь пушку за собой на тресе таскать.

Манжура, человек серьёзный и обстоятельный, поверил суровому старшине, загрустил, и перекусив казённым пайком, лёг спать.

Такой компот

Президент Евразии Ложкин обедал вместе с председателем Высшего Совета и послом Джунгарии Мергеном Ягурином. Вошедший Руслан Набоков поздоровался, и не теряя времени, взял от стены стул, и присел к обедающим. Высмотрев чистую тарелку, комэска налил себе борща, поперчил и забелил его сметаной.

– Приятного аппетита! – он кивнул мужикам и принялся за еду.

– И тебе того же, – пожелал ему председатель Высшего Совета. А Мерген улыбнулся и подвинул поближе к Набокову плетёнку с пахучим ржаным хлебом.

– Хороший гость всегда к обеду поспеет, – ворчливо заметил президент Евразии. – Водки нет, водка вечером.

Набоков кивнул.

После еды, запив всё грушевым компотом, заговорили о делах.

– Мы хоть и назвались Евразией, чтобы туману на викингов напустить, но, на самом деле, контролируем территорию только до Урала, и фактически от Волги, – Ложкин цыкнул зубом и икнул. – А что там, дальше, никто не знает. Пока воевали с викингами, времени не было на Сибирь посмотреть. А оттуда вестей нет никаких.

– За Волгой, до самой реки Урал по всему берегу Каспия никого нет, – кивая головой, добавил Мерген. – Одни волки, лисы, да орлы живут. И мы скот пасём там. Никого нету.

Налив себе ещё стакан компота, Набоков глянул на него, вспомнив недавнее прошлое. Вместе они провели целый год, резались с бесстрашными арабскими всадниками в причерноморских степях, на Донбассе пробивались из окружения элитных войск «чёрных псов». До сих пор у Мергена подёргивалась левая щека – повреждённый при атаке на батарею гаубиц лицевой нерв напоминал о себе.

С Ложкиным Руслан был дружен лет пятнадцать. Когда-то они бились против мародёров и работорговцев, отбивались от сотен бродячих собак в волжских и камских городах, ликвидировали общину ужасных людоедов в лесах на Вятке.

С председателем Высшего Совета Набоков знаком не был. Видел несколько раз, и только. Но здоровенный, с кривым, перебитым когда-то носом, рыжий конопатый мужик вызывал симпатию своим открытым взглядом и постоянной улыбкой.

Он и заговорил по существу.

– Решили отправить экспедицию в Сибирь, до Владивостока, по Транссибу, – Ложкин при этом улыбнулся и подмигнул Набокову. – Снарядим несколько эшелонов, бронепоезда, снабжение, вертолёты, ну, чтобы солидно выглядеть. Если получится, так добровольцев на войну с чёрными набрать, и заодно места присмотреть на случай отступления. Такая простая задача. Вроде ничего сложного. Командиром похода выбрали тебя.

Все рассмеялись, Руслан промолчал.

– Что неясно? – председатель Высшего Совета встал, вышел из кабинета и вернулся с ведром яблок. – Угощайтесь. Ты не торопись с вопросами. Подумай до утра, а там снова встретимся.

– А сколько народу-то у нас осталось, посчитали, или нет? – Руслан выбрал яблочко покраснее. – Помнится, перепись думали провести.

– Посчитали, – Ложкин глянул на Руслана. – Не меньше двух миллионов, от Волги до Урала. Из них около половины мужики, из которых воевать способны тысяч двести. А викинги эти чернокудрые, годов через пять пару миллионов солдат наберут. Раздавят. А пленных повесят над мангалами, как они привыкли. Такие дела. А потом, возможно, съедят.

– Мерген, ты пойдёшь со мной? – Набоков глянул на приятеля.

Тот покачал головой.

– Мы двинемся южнее, – он подошёл к висевшей на стене огромной старинной глянцевой карте Советского Союза. – Формируем конное войско, примерно тысяч десять бойцов и от устья Урала идём на Ашхабад, – Мерген показал на карте примерный маршрут. – Оттуда на Фергану, и дальше по Средней Азии. Попытаемся собрать людей на борьбу с чёрными. Они же всех режут. Даже турок и тех пластали. Бог даст, свидимся. Планирую до Монголии добраться. Может, там и увидимся, в Забайкалье.

– Сейчас август, – снова вошёл в разговор Ложкин. – До марта подготовимся, снег сойдёт и вперёд. Калмыки тоже в марте пойдут. С тобой тысяча, ну полторы отправится. Думаю, месяца четыре-пять хватит, чтобы до Владивостока допыхтеть. С железнодорожниками говорили, они посчитали, в мирное время тепловозу одной заправки хватит, чтобы от Перми до Приморья домчаться. Ну тебе, конечно, состав солярки полагается, мало ли что.

Председатель Высшего Совета постучал пальцами по столу.

– Тут вот что, – он посмотрел на комэска. – Экспедицию планируем большую собрать, чтобы убедить сибиряков, что мы мощь, что мы сила. На самом деле так и есть, но если они увидят один ободранный паровоз с десятком вагонов, вряд ли пойдут на сотрудничество. Так что ещё пропаганду надо будет вести. Сложностей много. Это не просто военная экспедиция, не прогулка и не надо упрашивать никого. Необходимо создать впечатление силы, чтобы люди сами потянулись, чтобы защиту почувствовали. Но ещё поговорим на эту тему.

– Я согласен, – Руслан отложил в сторону ненакушенное яблоко и потянулся. – Бригаду на поход можно формировать уже?

Он встал и оглядел кабинет президента Евразии. В углу, возле огромного, в полстены окна, в стеклянном шкафу висели знамена на толстых древках, украшенных витым узором из золота, серебра и черни.

– Государственные знамёна четырёх императоров, – Ложкин тоже встал. – Вот они, императрицы Елизаветы, Александра Первого и Второго, и Николая Второго. Больше из Москвы ничего не удалось вывезти.

Старинные жёлтые атласные, парчовые и шёлковые стяги с вышитыми гербами земель, княжеств, краёв, царств и областей Русской Земли, казалось, ждали, когда их вновь развернут над площадями городов и древние византийские орлы снова взмоют в синие небеса.

Руслану почудилось, что шёлковое, цвета «старого золота» полотнище одного из знамён шевельнулось, тоскуя в стеклянной клетке.

– Тогда завтра соберёмся и всё реально обговорим? – Набоков повернулся к замолчавшим мужикам. – Так?

– Ты отоспись, – рыжий председатель поднялся, потянулся. – А то с утра делишки разные, международные, надо порешать. А к обеду подходи.

– Меня проводи, – улыбнулся Мерген. – Я завтра уезжаю. Готовиться надо.

– Обязательно, – ответил Руслан.

Через день Набоков улетал в Пермь на вертолёте Ми-445 варианта «Лидия». Его провожал Ложкин. День был ветреный, над Волгой гуляли облака, угрожая дождём. Вылет Руслана хотели перенести, но метеорологи обнадёжили, что по маршруту отличная погода.

– Ну, ты всё понял, Руслан, – Ложкин смотрел в глаза комэска. – Подготовишь эшелоны и вперёд! До Тихого, значит, океана.

– Ничего сложного, – Набоков посмотрел в небо. – Надо, значит, надо. Прокатимся по Сибири. А упрёмся – разберёмся.

– Вот, вот, – Ложкин глянул на «Лидию». Мощная, красивая машина с кабиной с полностью прозрачной изнутри композитной бронёй. Атака именно этих вертолётот, внезапно обрушившихся на артиллерийскую бригаду викингов в прошлом году, помогла войску выстоять на Самарской Луке. – Сложного много. Хотя. Ты же знаешь, у нас есть многовековая привычка – всегда побеждать. Победим и сейчас. Но трудов для этого придётся положить немало.

Набоков кивнул и улыбнулся. К ним подошёл командир вертолётот и доложил президенту о готовности к полёту. Ложкин пожал ему руку, обнял Руслана и пошагал, не оборачиваясь, к своему автомобилю.

«Лидия» зарокотала, раскрутила винты, поднялась вверх и вскоре скрылась в небе северо-востока.

Ночные разговоры

Вечером, около полуночи, когда солнце ушло на запад, президент вместе с командиром информационной службы сел на катерок, который быстро покотился вниз по Волге. Хотя опасаться вражеских шпионов не приходилось, но разведчик, хмурый мужик с парализованной правой щёкой, соблюдал конспирацию. «Если люди чего-то не знают, то это их и не волнует», считал он. Поэтому о своих делах он понапрасну не распространялся, да и подчинённых набрал неболтливых. И о делах евразийской разведки мало кто знал, да никто не ими не интересовался – у каждого своих забот хватало.

Через пару часов хода по ночной тёмной Волге – берега сливались с водой, и чёрт его знает, как на ней ориентировался капитан катерка – судно ткнулось в берег. Матрос сбросил сходни, по которым на хрумкающий под ногами мокрый песок спустились Ложкин и хмурый командир разведки.

Их встретил кто-то неразличимый в темноте и подсвечивая дорогу узким лучом фонарика, повёл за собой.

В доме, стоявшем метрах в четырёхстах от берега, были плотно занавешены окна и двери. Внутри же, в гостиной, уставленной креслами, диванчиками и маленькими полированными столиками, горели два торшера с зелёными абажурами. Под одним из них сидел Борис Гриншпун.

Ложкин искренне обрадовался, увидев его. Вскоре после катастрофы, опомнившись от ужаса, арабы собрались и атаковали Израиль. Победа была полной. Граждане страны, просуществовавшей около ста лет, понеся огромные потери от катаклизма, не смогли дать отпор. Ведомые застарелой злобой арабы смерчем прошли по Сиону. Не щадили никого.

Гриншпун в это время был в Норвегии, где сбывал полезные грязи из Мёртвого моря. Смуглый, прекрасно знающий арабский, английский и русский языки, с виду он был вылитый уроженец аравийских пустынь. Когда после годичных мытарств, Борис вернулся на родину, и увидел там только развалины и скелеты в обрывках одежды, новые жители Израиля приняли его за своего. Холодный расчётливый еврейский разум Бориса не дал разгуляться его неистовому темпераменту и сразу же заняться кровавыми расчётами. Он начал выжидать.

После резни белых, устроенной викингами в Европе, Гриншпун немного растерялся. Его душа жаждала расправ, но одиночные убийства палачей его семьи не успокаивали. Ему хотелось чего-то действительно ужасного. Слово «гетакомба» крутилось у него в голове. Но одному это сделать было тяжело, невозможно.

Он сумел занять высокие должности в иерархии Конана Парижа-Стамбула, с блеском занимаясь хозяйственными делами. Семь лет назад, во время осведомительной поездки в Беларусь, его захватили русские бойцы. Командовал ими Сергей Ложкин. Борис сумел убедить его, что он противник чёрных викингов. С тех пор он уверенно шёл, всё ближе и ближе к своей гекатомбе. Информацию о делах Конана Гриншпун передавал всего лишь дважды, но оба раза она играла решающую роль в битвах на Русских равнинах.

– Ты как добрался? – спросил его Ложкин. – Опять, вроде как заблудился? Так сейчас ваши далеко, тяжело отговориться будет.

Борис махнул рукой.

– Я на автожире прилетел, – он отхлебнул из стакана, всунутого в почернелый серебряный подстаканник, горячего чаю с лимоном. – Запас хода две тысячи вёрст. Как раз до Волги хватило.

Конан Париж-Стамбул за последние годы начал безгранично доверять Гриншпуну и сейчас послал его в Анкару. Дело было важным. Чёрные викинги решили договориться с персами, которых спервоначала резали, как белых. В обмен на спокойствие они хотели, чтобы те прошли берегом Каспия и потревожили калмыков, поставлявших лошадей, да и добровольцев в евразийские войска.

– Я великий посол викингов к персам, – Борис медленно кивнул и надменно сжал губы. – А ещё мы дадим вам сто танков с тремя комплектами боезапаса.

Он засмеялся.

С последней встречи Ложкина и Гриншпуна прошло три года, и сейчас президента интересовало очень многое. Борис не спеша рассказывал.

До сих пор чёрным викингам не удалось вырезать белых в Скандинавии. Две десантные экспедиции после малых успехов были сброшены обратно в море. На Карельский перешеек они сунулись, ну и здорово обожглись на легендарной линии Маннергейма. А дальше идти на север, в обход Ладожского озера, им показалось холодно.

На Балканах держатся сербы и хорваты, не давая прямого хода в Турцию и Ближний Восток. Ложкин кивнул, от него дней десять назад уехали посланцы южных славян. Они намеревались перебраться к русским, так как викинги решительно упёрлись разделаться с ними уже в следующем году. Сейчас подготавливалась операция по вывозу в Крым примерно двухсот пятидесяти тысяч оставшихся в живых сербов, хорватов, греков, боснийцев и албанцев.

– Но это не главное, – Борис свернул самокрутку и закурил. – В Лондоне, в лабораториях физической школы викинги смогли собрать человека.

Ложкин, нарезавший лимончик к коньяку, отложил нож.

– Клонировали, что ли? – он прищурил глаза.

Борис покачал головой.

– Нет, – он стряхнул пепел в блюдечко. – Никакого клонирования. Это же бесперспективный путь, ты знаешь. Смастерили с помощью объёмного принтера какого-то. Деталей точно не знаю. Мне про это рассказал помощник советника по науке, он чего-то хочет подружиться со мной. Говорит, несколько экземпляров сделали с программой какой-то в башке. Хотят бойцов клепать, как раньше автомобили на конвейере делали.

– А зачем им они? – вошёл в разговор хмурый разведчик. Он воспринял услышанную информацию, как возможную угрозу. – Запрограммированные, может даже, белые, они же могут внедряться к нам. Этого раньше не было, и мы к этому не готовы. Сейчас придётся всех беженцев с запада проверять, – сделал разведчик вывод и задумался.

Президент и Гриншпун посмотрели на него, потом друг на друга.

– Ну, это должно быть нескоро, – Борис потушил сигарету. – Дней десять назад он мне про это сказал, сейчас этих штампованных, должны на учёбу отправить, подготовить. Там много дел у них. Да и сделали то ли двух, то ли трёх, проблемы ещё могут быть с ними. Так что эта угроза, по-моему, не близкая. Но знать об этом надо, на всякий случай.

– А как они программировали? – вдруг встревожился Ложкин. – Компьютеры же накрылись давным-давно. Из всех технологий этих только ради лампы на УКВ остались, да телефоны проводные работают. Что они, смогли выход найти?

– Никаких компьютеров там близко нет, – Гриншпун покачал головой. – Это точно знаю. Какие-то биотехнологии. Вся электроника уже лет двадцать как под строжайшим запретом. Чудом выжили, когда беда эта случилось, и никто рисковать не хочет.

Разговор трёх приятелей продолжался до утра. Потом, когда уже солнце полностью выкатилось из-за горизонта, Ложкин отправился на катере обратно в Казань. Разведчик остался с Борисом. Поспав часов пять, они занялись муторной, однако необходимой работой. Гриншпун отвечал на вопросы, разведчик записывал. Времени у них было мало. Борис должен был завтра улетать. Его автожир уже подготовили к вылету. Когда посол Конана Париж-Стамбула снова сможет встретиться со своими единственными союзниками, было неизвестно.

Дома

Руслан Набоков прилетел в родной город во второй половине дня. «Лидия» приземлилась около здания драмтеатра на площадку, где много лет назад били цветные фонтаны. Поблагодарив экипаж вертолётки, спросил у них, когда они обратно в Казань.

– Да попозже, – ответил командир. – Сейчас здесь пара эскадрилий наших соберётся, будем решать, кто с вами в Сибирь пойдёт. Шесть машин надо, со сменными экипажами, техниками, запчастями. Завтра наш вертолётный царь прибудет и начнём думать.

Комэска вспомнил, как в Казани его познакомили с директором вертолётной службы – невысоким, юрким, абсолютно лысым Ионой Заббаровым. Царём его прозвали за неожиданно мощный при такой комплекции бас и склонность в трудных разговорах переходить с «я» на «мы».

Машина отвезла Набокова в Мотовилиху, где он разместился в одной из многоэтажек. Первым делом он проверил, как устроились его пограничники. Эскадрон разместился в зданиях бывшей семинарии, ставшей в советское время военным училищем, а затем скопищем разных фирм и компаний. Удобные помещения для личного состава, а для лошадей и волкодавов инженерная рота уже начала строить деревянные конюшни и псарни.

Вид отсюда открывался отличный на Каму, на правый лесной берег. Ежедневно лошадей проминали на не потерявшей своего бывшего лоска городской набережной. Сейчас комэска увидел, как на лужайке возле Камского моста Седых обучает Николая Манжуру кавалерийской посадке. Червонорус пока ездил верхом неуверенно, его трясло, подкидывало, он хватался за гриву выделенного ему гнедого и часто ругался.

– Посмотрим, что за мужик, проверим при случае, и возможно, возьмём к себе, – увидев, куда смотрит командир, сказал Ирек Галимов. – Вроде ничего так этот Никола. Разберёмся, в общем. Хотя жене моей не понравился. Пустой он, говорит, глаза без ума, не добрые. Ну, женщины, они такие.

Комэска кивнул и они занялись делами эскадрона. После того, как Набоков убедился, что с его бойцами всё в порядке, он утвердил составленный его замом план занятий и отправился отдыхать. Завтра его ждали на пушечном заводе.

Оборудовали поезда, ставили вооружение, готовили вагоны для лошадей, людей, монтировали броню, прикидывали, как размещать на платформах вертолёты. Забот хватало. Шёл набор добровольцев для восточной экспедиции. Желавших было достаточно. Планировали пройти по Транссибу за четыре-пять месяцев до Владивостока и за месяц вернуться обратно.

Восстановленные предприятия Перми работали почти в полную мощь. Нефтеперегонный завод выдавал солярку, бензин, керосин, масла. Швейные фабрики строчили одежду, медицинская и фармацевтическая академии изготавливала запас лекарств. Предполагалось, что они понадобятся не только походникам, и тем, кого они встретят. Экипировка и вооружение шли из Ижевска, Казани, Самары и других городов. Продукты, боеприпасы и прочее необходимое имущество постепенно заполняли пакгаузы на станции Бахаревка.

Сюрпризом для Набокова стал метод движения.

– Гравитоника, – сказал ему лысый инженер, увидев удивлённые глаза комэска.

Да и как было не поразиться. На одном из многочисленных путей Перми-Сортировочной поставили гружёный углём состав. И вдруг, Набоков увидел, как пыхтящий тепловоз и десятка три вагонов легко поднялись в воздух – на три-четыре пальца над рельсами. Локомотив заурчал и состав буквально поплыл.

– Гравитоника, – повторил инженер.

Набоков решил не вникать в тонкости. Он лишь уяснил, что здесь задействован левитационный принцип, возникающий при разности потенциалов электромагнитного поля.

– А если что забарахлит, встанете на рельсы и по старинке, квадратами стучать, – добавил инженер. – Не волнуйтесь. В каждом составе три наших техника. Справитесь.

– Справимся, – кивнул Набоков.

Конечно, дело было удивительное. Но после катастрофы люди чего только не навидались. И многое воспринимали уже как должное.

Внезапно выяснилось, что восточнее Кунгура никто не бывал, причём очень давно, лет десять. Нужды в этом не было. Как отогнали за Урал остатки банд работоторговцев, так никто их не преследовал, и сейчас не было никаких сведений, что там происходит.

Комэска, которого уже переименовали в коменданта конвоя, поразмыслил, и в середине февраля 2053 года приказал одному из обустроенных уже лёгких бронепоездов, бывшему рельсовому автобусу из трёх вагонов, прокатиться до Екатеринбурга на разведку.

Столица Урала играла большую роль в планах Высшего Совета. Почему-то предполагалось, что там сконцентрировались уцелевшие жители Западной Сибири. Набокову и Ложкину эта теория казалась несостоятельной, но председатель Высшего Совета, сам екатеринбуржец, и в общем здравомыслящий, разумный мужик, крепко держался этих мыслей.

Что такое?!

Трёхвагонный «Фантомас», он же лёгкий скоростной бронепоезд, вооружённый двумя вертолётными автопушками, установленными в башнях на крыше среднего вагона, парой четырёхстволок в кабинах, двумя спаренными пулемётами по бокам и с десятью членами экипажа на борту, утром вышел со станции Блочная. Он должен был пройти по железнодорожным путям на Камской ГЭС, и через Молодёжную прибыть на Пермь II. Оттуда, взяв с собой взвод разведчиков, «Фантомаса» ждал маршрут до Екатеринбурга через Кунгур. Перед ним шёл снегоочиститель.

Но двадцать разведчиков из эскадрона Набокова, сели на борт ещё на Блочной. Комфортные вагоны бывшего рельсового автобуса им понравились. Манжура, склонный к оценке всякого имущества, шупал кресла, постукивал по деревянным лакированным столикам, покачался на широченных диванах и остался доволен.

– Я, может, от вас, сюда перейду, – сказал он своему напарнику Ринату. – А то, говорят, мы на лошадях до самого Китая поедем. Охранять поезда снаружи будем.

– А экзамены ты сдашь? – Ринат хмуро посмотрел на Манжуру. – Ты знаешь, что у них, железнодорожников на «Фантомасе» – норматив по замене колеса всего три минуты? Попробуй, поменяй.

Николай представил себя, вручную откручивающего вагонное колесо, и решил, что всадником быть проще.

С Блочной «Фантомас» зашёл на плотину Камской ГЭС и потянулся к левому берегу. Егоров, машинист, двигал бронепоезд малым ходом. Пути на плотине не чинили лет пять, надо быть внимательным.

Техник кивнул машинисту, дескать, будь готов, включая поле. Егоров, всё ещё не привыкший к этому, немного напрягся.

Вдруг приближающиеся дома и деревья на берегу качнулись, ещё качнулись. Егоров машинально, повинаясь вколоченным десятки лет назад рефлексам, немедленно затормозил.

Бронепоезд натурально висел в воздухе. Его тяжёлые, тронутые ржавчиной колёса не доставали до блестящих головок рельс сантиметра три-четыре. Все три вагона болтались над полотном, слегка кренясь по сторонам.

В это время разведчики слушали Манжуру. Присев на корточки, тот водил руками под бронепоездом.

– Тут что-то есть, – вполголоса бормотал он. – Неужели вы чувствуете? Вот оно прогибается, пощипывает, гладит.

Все уже попробовали, но никаких ощущений не чуяли. Помощник машиниста даже рискнул проползти под вагоном, испачкал куртку и штаны, и ничего не ощутил.

Главный кинолог внимательно посмотрел на Манжуру, перевёл взгляд на висящие колёса и вдруг схватился за голову.

– Что это? – он опёрся рукой на вагон. – Шериф?! Нет, не Шериф. Что это?

Услышав возглас кинолога, Манжура начал подниматься, повернул голову и упал. Пальцы согнулись, сгребая смёрзшуюся щебенку. Николай замычал и расслабился.

К ним подбежали разведчики.

Манжура растерянно посмотрел на них и качаясь, встал на ноги.

– Это живое, – он глянул в подвагонную пустоту. – Оно окатило меня внутри чем-то. Что-то приятное, доброе такое. Я вижу, здесь всё искрится, – Манжура отошёл на пару шагов и огляделся. – Весь путь искрится, на всей плотине. Переливается, мягкий свет такой.

Народ заозирался по сторонам. Пулемётчик из команды «Фантомаса» даже залез на крышу вагона и приставив ладошку ко лбу, начал внимательно осматривать колею.

Набоков с инженерами, увидев оживление возле вагона, тоже подошли. Манжура, подбирая слова, пытался пояснить свои ощущения. В это время главный кинолог тронул за руку Набокова.

– Я чувствую это, – он качнул головой. – Как свою собаку Шерифа. Нет, по-другому. Общаться не могу. Оно какое-то доброжелательные.

Набоков молчал. Положение было странным. Боевой бронепоезд висел в воздухе, слегка кренясь под сильным ветром со стрелки Камы с Чусовой. Разведчик Манжура что-то видел, а кинолог Никитин что-то чувствовал.

Никитину командир доверял. Он знал, что кинологи могли чувствовать своих псов. Никакой телепатии, конечно, и в помине не было, но эмоциональная связь между проводником и его собакой присутствовала. Это знали все, и потому в кинологи попадали только те, кто мог установить хороший, качественный контакт со своим подопечным.

Но кто был под вагонами? Или что?

После катастрофы происходили разные чудные вещи, но вынужденные к выживанию люди не обращали на них внимания, если те не мешали. Есть странное и пусть будет, но в наши дела не вмешивается. К тому же Набоков был военным и удивляться и бояться просто не умел.

Вдруг «Фантомас» двинулся. Все невольно отпрянули в сторону и тут же глянули на вагонные колёса. Те не крутились и так же висели в трёх-четырёх сантиметрах над рельсами.

Главный кинолог замер. Он глубоко вдохнул холодный воздух и медленно выдохнул. Белый пар заструился на лохматый шарф, обволакивая изморозью шерстинки. «Фантомас» плавно пошёл вперёд. Остановился.

– Я попросил ехать, – Никитин часто дышал. – Картинку такую представил у себя в голове, а оно, они уловили.

Набоков скомандовал всем грузиться в бронепоезд и приказал главному кинологу довести его до пушечного завода. Потерявшего сознание Манжуру отправили в госпиталь.

Но рейд до Кунгура никто не отменял. Вместо зависшего «Фантомаса – 2» на восток отправили «Фантомас – 3». Разведзвод, за исключением Манжуры, перешел на него.

Распоряжение Высшего Совета. Март 2053 года

«Создать Сибирскую Экспедицию для исследования Транссибирской магистрали и прилегающих к ней районов

– Включить в состав Сибирской экспедиции конвой эшелонов

- а) инженерно – ремонтный поезд – 1
- б) лёгкие бронепоезда типа «Фантомас» – 4
- в) поезд обеспечения полётов вертолётов и беспилотников -1
- г) топливный поезд – 1
- д) поезд для перевозки лошадей и прочих животных – 1
- е) штабной поезд – 1
- ж) тяжёлые бронепоезда «Кама», «Урал»
- з) поезд обеспечения тыла – 3
- и) поезд перевозки автотранспорта и катеров – 1
- к) поезд тяжёлого вооружения – 1
- л) медицинский поезд -1
- м) десантные составы – 2
- н) научный поезд – 1

– Комендантом конвоя Сибирской Экспедиции назначить Набокова Руслана Калиновича, с возложением на него прав полномочного представителя Высшего Совета с исключительным правом единоличного суда и приговора»

Приказ

О присвоении позывных

- Лёгким бронепоездам – «Фантомас 1», «Фантомас 2», «Фантомас 3», «Фантомас 4»
- Тяжёлым бронепоездам – «Урал», «Кама»
- Топливному поезду – «Бочка»
- Ремонтному поезду – «Киянка»
- Поезду обеспечения полётов вертолётов и беспилотников – «Клумба»
- Штабному поезду – «Акбаст»
- Поезду тяжёлого вооружения – «Мортира»
- Медицинскому поезду – «Таблетка»
- Поезду обеспечения тыла – «Крупа – 1», «Крупа – 2», «Крупа – 3»
- Поезду перевозки автотранспорта и катеров – «Мотор»
- Поезду с учёными – «Головастик»
- Поезду для перевозки лошадей и прочих животных – «Чёрный бык»
- Вертолётам – «Дракон», «Центавр», «Ворон», «Горыныч», «Ястреб», «Юнкерс»
- Пассажирским поездам – «Спальник – 1», «Спальник – 2»

Душа в тело

В голове шумело. Сердитый голос кричал: «Смирно! Смирно!». Потом заплакала женщина: «И так денег нет, так ты ещё приволок..». К этому разноголосью добавились неразборчивые крики, собачий лай. Потом загремели пустые бочки, они катились по железному полу, заклёпки вылетали из них, отщёлкивая штукатурку со стен.

– Какая штукатурка? Заклёпки? – вопросы начали грудиться, как сплавные брёвна в заторе на реке. – Они рухнут, на голову. Надо плыть!

Бревно выскочило из залома, крутнулось, чёрное, глянцевого от воды, взлетело и начало падать.

– А-а-а!!

– Очнулся, – услышал Манжура мягкий женский голос.

– Если сразу есть попросит, значит в норме, – засмеялся чей-то знакомый хриплый бас.

Николай открыл глаза.

– Есть хочешь? – возле него стоял Седых. – Суп из курицы. А больше тебе ничего нельзя.

Он снова засмеялся.

– Привет, Яша, – просипел Манжура. – Пить хочу.

Женщина-врач поднесла ему стакан с желтоватой жидкостью. Пересохшее горло сразу выпитало сладкий компот. На лбу Никола выступил пот.

– Четыре дня валяешься уже тут, ясновидец, – Седых поправил сползший с плеча халат, одетый внакидку. – Всё пропустил, и бой, и гонки. Мужики из взвода тебе приветы передают.

Старшина присел на деревянную табуретку и рассказал больному про неудачный поход на Екатеринбург, схватку с работоторговцами, вертолётную атаку и про предполагаемый диагноз болезни Манжуры. После того, как он потерял сознание на плотине Камской ГЭС, решили, что у него нервный срыв.

– А людей много побили в Кунгуре? – Никола сел на койке. – Жалко их.

– Из взвода пятерых ранило, да на «Фантомасе» троих зацепило, – ответил Седых. – И местных, кунгурских четверых из гранатомёта посекло. Ну и одного бандита наповал.

– Как страшно всё это, – Никола покачал головой. – В жуткое время живём.

Старшина недоумённо глянул на него. Манжура, который прошлым летом лихо завалил двух бойцов чёрных викингов, рассказывавший раньше, как он стрелял из засад по врагам и даже пытался отрезать у мёртвых уши на память, вдруг стал жалостливым.

– Неплохо тебе шок мозга подрихтовал, – Седых хмыкнул. – Не отуторел ещё. Да, самое главное не сказал тебе. С этими, которые вагоны поднимают, кинологи смогли общение наладить. Сейчас решают, может, всю экспедицию на них поставят. Радиоприёмники ставят в тепловозы. Как-то сигналы им передают, и составы летают просто. Но только над рельсами. Комэска сказал, рискнём, на них поедем, а если пропадут, то на рельсы встанем.

Манжуру вновь окатила волна приятных ощущений, но гораздо слабее, чем тогда, на плотине. Он вспомнил, как искрящееся облако переливалось под колёсами бронепоезда. Почувствовал изумление, исходящее от него, а потом темнота, голоса и вот больница.

– Когда его выпишете? – Седых обратился к врачу.

Женщина посмотрела на Манжуру, помолчала, подумав, и сказала, что если ухудшения не будет, то завтра.

Николай улыбнулся и завалился обратно на койку. Старшина пожал руку ему, докторше и вышел.

Спал Манжура спокойно, без кошмаров, только под утро ему стало тоскливо и он, ещё не проснувшись, прослезился. Он хотел увидеть маму во сне, но вместо неё к нему явился здоровенный негр в синем халате, который плевал ему на ноги.

Утром Николай вспомнил сон и подивился. Потом он задумался и пытался вспомнить своих родителей, но так и не смог. Мелькали обрывки с какими-то людьми, поля кукурузы, белые медведи, огромные, в сотню этажей, дома, змеи, горящий лес, урчащие танки, автоматная стрельба. Он вспомнил, как убил двух викингов, и в груди снова заныло, и снова ему стало жалко их.

Врач, с которой он поделился своими ощущениями, сказала, что, видимо, он был контужен. И происходящее – это отголоски травмы головы. Не надо волноваться, и они не будут повторяться.

После обеда Манжура вернулся в свой взвод. Поболтав с мужиками о пустяках, он почувствовал тягу к непонятному облаку, из-за которого потерял сознание. Отпросившись у Седых, он поехал верхом на своём Серко на пушечный завод.

Там, на путях собрались почти все эшелоны, назначенные в сибирский поход. Все рельсы были залиты тем самым переливчатым, искрящимся облаком. Вагоны и тепловозы, висящие в воздухе, медленно двигались назад и вперёд. На перегоне от Язовой до Лёвшино они гоняли со скоростью под сто километров в час, резко тормозили (при этом состав немного приподнимался вверх), испытывая ходовые качества новых «двигателей».

Привязав Серко, Манжура подошёл к путям, над которыми висел медицинский поезд. И снова почувствовал ласковое прикосновение, всё тело на миг пробила щиплющая дрожь. Николая как окатило волной дружелюбия, на секунду ему стало душно, сердце будто остановилось, но никакого страха не было. Потом он уже не чувствовал ничего, только видел переливы под эшелонами.

Поболтав со знакомыми, Манжура заодно разузнал, в каком составе разместят его взвод. Оказалось, вместе с лошадьми, только для коней отвели крытый железный вагон, а для бойцов приготовили спальный, с двухместными купе.

После этого Николай вернулся на базу и на этот раз всю ночь спал спокойно.

– Придётся идти на Екатеринбург через Чусовскую и Тагил, – Набоков провёл пальцем по новому маршруту. – Мост восстанавливать времени нет, да и засады могут быть. «Фантомас» проскочил по северному варианту до Азиатской, чисто и никого нет. Дальше не пошёл, темнеть начало. Предложения какие?

Штаб собрался на втором этаже вокзала Перми II, отсюда можно было видеть оба направления железнодорожных путей. Одно – Транссиб, уходил по насыпи направо, другое, горнозаводское, отходя от станции налево, сразу терялось за постройками и деревьями.

– А вертолёты не пускали, проверить, как там, дальше Шумково? – спросил командир тяжёлого бронепоезда «Кама» Левицкий. – Может, убрались с концами работорговцы? Хотя, зачем рисковать.

Поднялся маленький, шустрый Иона Заббаров. Любое упоминание о вертолётах он принимал на свой счёт.

– Пара «Лидушек» прошла до Шалей, – он ткнул пальцем в карту, указывая, где это. – На путях в Шумково стоит брошенная бронедрезина, дальше чисто. Но. Кунгуряки разобрали путь от моста через Сылву на километр. Там сейчас укрепрайон, как на Самарской Луке. Автомобильный мост заминировали, патрули. Ехать-то негде.

Набоков обвёл присутствующих взглядом, как бы спрашивая, есть у кого, что сказать? Но все уже приняли решение.

– Ещё проблема одна, – главком посмотрел в конец стола, где сидели инженеры с пермских заводов. – Для изучения облаков под колёсами с нами поедут учёные. Они запросили для себя ещё один состав. Лаборатории там, пробирки всякие. Давайте, командиры, решайте, в чьей группе этот эшелон пойдёт.

Через секунду вверх взметнулись руки, комброны заговорили разом, убеждая Набокова в том, что учёным с ними будет хорошо и безопасно.

Такая доброта объяснялась просто. Эшелон учёных, это практически дополнительные ремонтные мастерские. Никто не хотел упускать выгоду. Комендант улыбнулся.

– Вот и хорошо, – он поднялся. – Я поехал на Бахаревку, там отгрузка заканчивается. Решите, завтра на оперативке мне доложите. До отхода две недели. Проверяйте всё. Проверили один раз, ещё раз проверьте. Проверили, и ещё раз! Всё должно быть готово, и жилые помещения, и вооружение, запасы продуктов, воды, топлива, карты, прочее имущество.

Набоков вышел, а командиры продолжили торговаться за эшелон с учёными.

Конвой поездов бесшумно тронулся с Перми II. На флагмане, тяжелом бронепоезде «Урал» развеялся небесно-синий флаг авангарда с Андреевским крестом в левом верхнем углу. Над станцией гремел древний марш «Прощание Славянки». В сыром после мелкого холодного дождика мелодия разносилась далеко. Многие из провожающих, которым не хватило места на перроне, залезли на крыши вокзала и депо. Люди плакали. Мимо них мелькали платформы, пассажирские и грузовые вагоны, цистерны. Из-за того, что колеса поездов не крутились, а висели в воздухе, создавалось впечатление чего-то космического.

– Я всё время жду, что бронепоезд пойдёт вверх, потом изогнётся на развороте и в пике! – седой мужик в замасленной синей куртке вздохнул. – И со всех стволов по гадам влупит! Может, наши головастики и додумаются до этого.

Его сосед, махавший рукой пролетавшему мимо составу с десанниками, пожал плечами.

– Мне всё равно, как они ездить станут, – он вытер слезу, выбитую холодным воздухом. – Главное, чтобы живые вернулись. И война чтоб кончилась.

Жена Ирека Галимова, бывшего замкомэска, а сейчас командира конного эшелона «Чёрный бык», обсуждала со своей приятельницей с медицинской фабрики, бывшего «Биомеда», экипировку уезжающих.

– Представляешь, у Ирека 80 лошадей, а овса дали всего на два месяца. Места нету. – возмущалась она. – Жалко, я до Набокова не добралась. Я бы ему всё высказала. Говорят, в мае уже трава свежая будет.

– Зато лекарств у них, и лошадиных, и нормальных на четыре года, – утешала её приятельница. – Мы всю зиму без выходных работали. Сегодня вот отгулы взяли на неделю, – она

вдруг прослезилась. – Мой-то тоже с ними напросился. Кузнец он, так в оружейную мастерскую угодил. Детям просил передать, что рыбу какую-то красную из Сибири привезёт. Да только бы вернулся, бог с ней, с рыбой-то.

– Вернутся, – уверенно заявила Галимова. – Такая силища пошла. Да ещё калмыки по югу идут. Народ у нас бывалый, всё про войну знают. Только бы ничего не случилось, как двадцать пять лет назад. Ещё этот, Манжура с ними поехал. Такой странный мужик. Сначала пустоглазый был, а как его чудо-юды эти шарахнули, так нормальный стал. Добрый такой. Из разведки ушёл, помощником ветеринара стал. Но всё равно странный.

– Я разговор про него в медотделе слышала, – приятельница вытерла слёзы. – У него эмоциональный фон сейчас, как у маленького ребёнка. Их же всех обследовали перед походом. А этого Манжуру особенно изучали. Он же единственный, кто чудов видит. Собачники-то только общаться с ними могут. Так вот, главврач медпоезда сказал, что у Манжуры состояние открытия мира на базе добродушия, искренности и сострадания. В общем, как ребёнок неиспорченный такой. Видно, здорово его шарахнуло тогда.

Мимо провожающих мелькнул последний состав с платформами, загруженными бронемашинами и грузовиками. Вскоре он исчез за поворотом. Люди с перрона начали расходиться.

Из рапорта контрразведки

«... допрошенные порознь, пленные показали идентичные сведения. Их разведывательный маршрут вышел из Омска в начале февраля. В составе блиндированный поезд, снегоочиститель, бронедрезина. Всего около сорока человек. Командир маршрута полковник Банкин Игорь Всеволодович, 59 лет. До катастрофы служил в полиции, в штабе отдела полиции №3 на улице Кошевого. Жесток, требователен...

Главной задачей имел разведку до Перми, Кирова, Ижевска. Попутно производить захват местных жителей для использования потом как рабочей силы или продажи степнякам. Всего за две недели пути захватили около десяти человек, обстреливали дома с признаками жилья для устрашения. До Перми шли сначала через Курган, Челябинск, но в районе станции Щучье железная дорога кончилась. Рельсов нет. Признаков жилья от Кургана до Щучье тоже нет. В итоге маршрут пошёл через Тюмень...

Сопrotивления не ожидали. О войне с чёрными викингами не осведомлены...

В Омске проживает около пятидесяти тысяч человек. Все они граждане Сибирской республики, генеральный президент которой – генерал Сергей Иванович Хмарин, 60 лет...

В Омске работает нефтеперегонный завод, мелкие механические мастерские. Идёт торговля со степняками. Продаются захваченные при вылазках из Омска рабы, изделия из металла, бензин, керосин, солянку. Возле города разбиты поля пшеницы, рожь, картофель и прочее. Есть несколько ферм...

Дисциплина в республике строгая. За непослушание или отказ от работы могут продать в рабство степнякам...

Военная сила: народная милиция, порядка тысячи человек. На вооружении стрелковое оружие, есть три миномёта, десять гаубиц, большое количество взрывчатых веществ. Авиации нет. При боестолкновениях со степняками применялись бронетранспортёры...

Железнодорожный транспорт практически не используется, разведмаршрут Банкина единственный за время после катастрофы...»

Из приказа по конвою

«... В связи с тем, что шаровая краска закончилась, и вообще никакой краски не осталось, после ремонта покрасить «Фантомас – 3» в то, что есть, а именно, в оранжевый цвет...»

Составы не спеша плыли над рельсами, не обращая внимания на расшатавшиеся рельсы, и не заботясь о переводе стрелок. За окнами мелькали ёлки, берёзы, лиственницы, тайга за последние годы вплотную подобралась к железной дороге. На редких полянах ещё лежал подтаявший и оттого кажущийся грязноватым снег. Опешившее семейство лосей, отвыкших от людей и техники, стоя в осиннике, удивлённо и безбоязненно смотрели на беззвучно пролетающие эшелоны.

Манжура принимал гостей в своём «кабинете» – ветеринарной лаборатории. К нему пришли старшина Седых, и пистолетчики Юсеф и Саня Орлов. Они пересели из своего «Спальника» в «Чёрный быка» на Чусовской, где поезда останавливались для погрузки двадцати тонн соли.

Играли в подкидного дурака парами, пили квас на ржаном хлебе, обсуждали последние новости.

– Вертолёт, оказывается, разобранными везут, – Седых поднял из колоды две шестёрки и подмигнул Манжуре, напарнику. – Пока беспилотниками будем обходиться. Земля не сохла, вертушкам садиться..

– Ты чего это подмигиваешь? – Юсеф подозрительно взглянул на него. – Ходи давай. Нечестно играть будешь, дурака сразу засчитаем.

– Что ты, Юсеф, что ты, – старшина сделал удивлённое лицо, прижав карты к груди. – Это инстинктивно глаз дёрнулся.

Саня Орлов в это время незаметно покачал головой, давая знак, что у него плохая масть и напарнику надо держаться.

– У картишек нет братишек, – забалагурил Седых, заходя с восьмёрок. – Бери, Юсеф, в хозяйстве пригодятся.

Партия закончилась разгромом пистолетчиков, в довершение им «повесили погоны». Злой стрелок Орлов принялся тасовать колоду для раздачи.

– Никола, а чего ты пацифистом таким стал? – Юсеф набулькал себе квасу из эмалированного бидона. – Помню, ты так лихо в прошлом году викингов положил, а сейчас как малахольный. Жалеешь всех, веришь всем. Вот Балагура у тебя рюкзак трофейный взял на вылазку, да так и не вернул. Неужели тебя так эти чуды-юды ударили чем-то?

Манжура, машинально следивший за раздачей карт, вздохнул.

– Я не знаю, – он слегка стукнул пальцами по столу. – Мне не хочется никакими убийствами заниматься. Люди, лошади вот, птицы всякие. Все такие хорошие. А рюкзак пусть Балагура таскает. У меня же есть ещё один, выдали перед походом.

– А зачем ты тогда поехал? – Саня Орлов закончил сдачу. – Ведь без крови всяко не обойдёмся в Сибири. Одни работоторговцы чего стоят. Беспощадные парни.

– Да привык я к вам, – Манжура взял свои карты. – Я как дома себя чувствую. Понимаешь, Саня, я ведь забыл всю свою семью – мать, отца, и кто ещё был, всех забыл. Причём я знаю, что я помнил их, а сейчас как отрезало. Последнее, что помню, это лес, дорога и вот старшина с автоматом. Ну и потом что было. А до этого. До этого ничего в памяти нет. К тому же мне около этих чудов-юдов приятно. А если долго без них, то тревожно становится. Я даже родной язык забыл. Мне психолог сказал, много странностей наблюдается. Я должен волноваться, оттого что родню забыл, язык свой, жизнь свою. А мне наоборот, очень хорошо. Психолог удивлялся, потом вывод сделал, что мой разум так себя сохраняет от каких-то сотрясений, которые, возможно, были. А мне хорошо просто. Мир такой хороший, вы хорошие. Только по ночам иногда негр снится здоровенный с синем халате. Я откуда-то знаю, что это негр, хотя не видел их никогда. Ладно, давайте играть.

Сыграли ещё с десятков партий, повешали друг дружке «погонов», пистолетчики принялись уговаривать Манжуру брать у них уроки быстрой стрельбы.

– Воспитаем из тебя второго Таманцева, скорохвата, – обещал Саня. – Будешь по-македонски, как он палить, без промахов.

– А кто это, Таманцев? – поинтересовался Седых.

Юсеф укоризненно посмотрел на него.

– Это основатель стрельбы по македонски, розыскник и скорохват, у него было шесть боевых орденов, – пояснил Саня. – Сто лет назад с фашистами воевал, ихних боевиков живьём брал. Ты что, книгу про него не читал?

– Я неграмотный, – Седых улыбнулся. – Когда я родился, книжками печки топили.

Пистолетчики разом печально вздохнули.

Вдруг они все ощутили замедление хода состава. Манжура выглянул в окно.

– Невьянск какой-то, написано на станции, – он покрутил головой, осматриваясь. – Темнеет. Видно, заночуем здесь.

– Ну ладно, – Седых встал, поддёргнул штаны и потянулся. – Пора идти посты выставлять. Пойдём, скорохваты, хватит чужой квас глотать, свой пора иметь.

Нежданный обстрел

Рано утром пара «Фантомасов» проскочила до Екатеринбурга. Один остался на пассажирском вокзале, второй бесшумно умчался до аэропорта Кольцово.

– Тормозим чуть-чуть, – немного напряжённо и оттого певуче проговорил машинист Егоров, двигая ручку контроллера. Создания, несшие поезд, уловили замедление вращения колес дизель-вагона и двинулись тише. Кинолог, сидевший в кабине в обнимку со своим псом, почувствовал лёгкий эмоциональный всплеск и послал свой, успокаивающий импульс. Волкодав, дремавший на коленях проводника, было встрепетнулся, но снова расслабился. Умный пёс давно уже научился различать сигналы. Сейчас посыл шёл не к нему.

Вторая группа десантников приступила к осмотру аэровокзала, гостиницы и других зданий.

– Никого нет, – высокий светлоголовый Кёстас присел на скамейку у входа в диспетчерскую вышку. – Пыли везде тоннами лежит. И ещё шесть скелетов.

Подходившие старшие разведгрупп докладывали командиру десанта то же самое – пыль, человеческие костяки, запустение. На удивление в здании аэровокзала работало освещение. Потом разъяснилось – оно запитывалось от солнечных батарей на крыше и функционировало до сих пор.

– Ну что, – командир разведзвода что-то записал в свой новенький с обложкой бежевого цвета блокнот. – Взлётное поле сравнительно чистое. Самолётов мало, всего четыре. Видать, в воздухе были, когда катавасия эта случилась. Ладно. Главное, что вертолёты можно разместить.

Он повернулся к своему радисту, развалившемуся под весенним солнышком на покосившейся скамейке.

– Эй, Перестукин! – тот открыл глаза. – Двигай к «Фантомасу», узнай, связь у них есть с «Акбастом»? Если есть, передай сигнал «Двойка – Добро».

Обсудив со старшими групп очередность выставления постов, командир разрешил остальным отдыхать. С бронепоезда передали, что сообщение передали в штаб конвоя и уже заканчивают готовить обед.

На вокзале Екатеринбурга также ничего особенного не обнаружили. Правда, следы пребывания людей нашлись. Остатки костров, пустые ржавые консервные банки, на втором этаже, возле разбитых стеклянных шкафов, где раньше висели образцы железнодорожной формы, лежал скелет с простреленным черепом.

На площади крутились несколько разнопородных лохматых собак. Они издали посматривали на разведчиков, но не подходили.

– Пуганые псы, – отметил выставленный наблюдателем бывший пограничник Боря Милютин. – Кто-то им ума добавил.

Когда разведчики развели огонь на первом этаже и принялись варить похлёбку, собаки остановили своё кружение на минуту, принюхались, потом прыжками умчались направо. Любопытствуя, Милютин высунулся в разбитое окно и увидел, что псы скрылись в павильоне с красной буквой «М» наверху. Одна из дверей, снятая с креплений, валялась рядом.

– Собачки на метро поехали, – сделал вывод Боря и продолжил наблюдение, нетерпеливо ожидая смены, потому что очень хотел есть.

Через пару часов на Екатеринбург-Пассажи́рский прибыл остальной конвой. Исполняя приказ Набокова, с платформ спустили три УАЗа. Автомобили с бойцами поехали на поиски местных жителей. Кроме того, снарядили десять конных патрулей. Они должны были обследовать районы возле станции. Поезд вертолётчиков ушёл на Кольцово.

– Ну что, – Набоков посмотрел на собравшихся командиров эшелонов. – Простоим здесь три дня, надо поискать аборигенов, вдруг кто-нибудь есть. В Высшем Совете такое мнение. Вертолёты собрать успеете? – обратился он к Ионе Заббарову.

Тот вскочил.

– Да сиди ты, сиди, – махнул рукой Набоков.

– Спасибо, товарищ командир, я постою, – «вертолётный царь» улыбнулся. – В авиации порядок.

Комброн «Камы» Левицкий наклонился к Галимову и что-то сказал. Тот хмыкнул и расплылся в улыбке, глядя на Иону. Набоков расслышал его слова «Где начинается авиация, там кончается порядок», но улыбаться не стал, не желая вызывать у эмоционального Забарова обиду.

– К вечеру соберём «Юнкерс», завтра подготовим «Дракона» и «Центавра», – не обращая внимания на коллег, отрапортовал Иона. – Они проведут испытательные полёты и послезавтра пройдут по Транссибу до Тюмени и обратно. Если, конечно, погода будет лётная.

– Отлично, – Руслан перевёл взгляд на присутствующих. – Пехотному начальнику выставить караулы на вокзале, депо, входных и выходных стрелках, наблюдателей. Также пустить три передвижных патруля по станции. На всякий случай. Поисковым группам за три дня, что здесь пробудем, обследовать прилегающие районы. Вопросы есть?

Все промолчали, поглядывая в окна штабного вагона.

– Ну, если вопросов нет..., – начал подниматься Набоков со своего стула, как где-то рядом ударил взрыв.

– 122-миллиметровка! – по звуку мгновенно определил командир «Мортиры». – Никак, Дэ тридцать бьёт.

– Все по местам! – скомандовал Набоков. – Иона, связь с «Клумбой»! Если вертушка готова, в воздух! «Кама», «Урал», «Фантомасы», дымогенераторы включить! «Мортира», корректировщиков-наблюдателей на крыши! Приготовить к бою «Приму» и «Тюльпан». Исполняйте! Десантникам оцепить станцию. Связаться с патрулями в городе, пусть ищут огневую позицию.

Через пару минут после того, как командиры разбежались по своим эшелонам, ударил второй выстрел. Но уже поднимались в серое мартовское небо Екатеринбурга чёрные клубы дыма. Вскоре они превратились в огромную тучу, расплывшуюся от вокзала в разные стороны. Пушка неизвестных агрессоров, сделав еще пару выстрелов вслепую, замолчала.

Дым потихоньку истаял, подгоняемый слабым ветерком. Набокову доложили, что все разрывы ударили с перелётом, никто не пострадал. Наблюдатели забрались на крышу высокого здания – судя по облупившейся вывеске, в ней была какая-то железнодорожная контора и оттуда бдили по всем сторонам. Однако в Екатеринбурге царил покой.

– Ага, вот они! – вскрикнул лежавший на крыше наблюдатель, глядя в обшарпанный бинокль. – А нет, это наши дозоры.

Наблюдатель потянулся и глянул в сторону вокзала. На его крыше техники ставили дымогенераторы, прожектора, автопушки. На площади выкладывали огромный бело-оранжевый крест – ориентир для вертолётчиков.

Над станцией медленно кружились два коршуна. Видимо, тёплый воздух от поездных дизелей поддерживал их на высоте тридцати-сорока метров. Ждали добычу, скорее всего, подумал наблюдатель и вновь взялся за бинокль, осматривая свой сектор.

– Как проволокой меня прошкрябало, – пожаловался кинолог Никитин главному механику конвоя Николаю Борисычу. – Что такое? Прямо по шее будто провели.

Он подвигал плечами, выпрямил спину и несколько раз качнул головой.

– Это нервы всё, – Николай Борисыч докурив самкрутку и бросил окурочок на перрон. – Пойдём ко мне, чаю попьём. Я с собой мешок смородиновых листьев сушёных взял, сборов всяких. Погреем кишочки кипятком.

– Айда, – Никитин снова задёргал плечами и вдруг резко запрокинул лицо вверх. – Ой, гад!!

Он провел ладонями по щекам, как смахивают лесную паутину.

– Вот ты кто!

Николай Борисыч, неторопливый, как все хорошие механики, удивлённо посмотрел на него, и тоже поднял голову вверх. Над ними кружился коршун.

– Это от него, – Никитин повернулся к приятелю. – Пойду Набокову доложу. Ощущение, что коршуны не просто так здесь крутятся.

– Птицы чего, как роботы что ли? – удивился Николай Борисыч и зачем-то понюхал воздух. – Это тогда какое обеспечение надо для них задействовать. Это же и производство аккумуляторов, и слежение...

– Да что ты говоришь! – кинолог улыбнулся. – Мы же своих собак чуем, как бы общаемся с ними, а с чудо-юдами тоже договорились. Может, и здесь кто-то смог также с птицами законтачить. Я думаю, они стрельбу по нам корректировать могут. Ставь чайник, Борисыч, я сейчас доложу и приду.

Механик посмотрел вслед побежавшему Никитину, ещё раз глянул вверх, на кружащего коршуна. Откуда-то из глубин памяти, неосознанно к нему пришли забытые слова.

– Куть-куть-куть, – произнёс он и пошевелил пальцами, как бы рассыпая крупу. – Куть-куть.

Однако небесный хищник не обратил внимания на странный поступок флагманского механика и продолжил своё ленивое, неспешное движение по воздушной спирали. Николай Борисыч почесал затылок, плюнул и полёз в вагон, заваривать смородину с малиной.

Вскоре стемнело, наряды заняли свои сектора. Патрульные прислушивались к шорохам, исходящему от зданий негромкому треску. К вечеру ветерок растащил сырые неопрятные тучи и на весеннем небе проявились звёздочки.

Язык

Пехотный начальник Гилёв сразу заметил нелепо торчащую над городом телебашню. Разобравшись с хлопотами по размещению караулов, и суматохой после внезапного обстрела он вызвал к себе командира разведки и приказал ему осмотреть строение и если найдутся следы посещения, организовать засаду.

– Аккуратно там размести парней своих, – сильным голосом сказал он. – Сдаётся мне, что оттуда артиллерийскую стрельбу корректировали. Конечно, коршуны коршунами. Может, и они снаряды наводили, но башня эта очень уж хорошее место для наблюдения.

По его просьбе пара вертолётчиков начала кружить в стороне от места засады. Гилёв предположил, что вертушки привлекут к себе внимание неизвестного пока противника и разведчикам будет проще затаиться.

Бронетранспортёр на пару с уазиком пронесли по улицам Екатеринбурга, напрямую от вокзала вниз. Возле старой, заросшей деревьями церкви они свернули направо, приближаясь к цели. Во время недолгой остановки возле мостика через густо затянутую кустами речушки из них выскочили семь бойцов во главе со старшим группы Сабировым. Они быстро юркнули во двор когда-то белого, а сейчас обшарпанного высокого здания. За долгое время запустения подходы к нему заросли березками и тополями. Разведчики через разбитые окна проникли внутрь и тихо, как кошки, прокрались на крышу. БТР с уазиком промчались дальше где-то на километр, потом развернулись и на скорости поехали обратно. Бронетранспортёр по пути как мог мял ржавые автомобили, в изобилии стоявшие на улицах, где лёг маршрут. Со стороны выглядело баловством, на самом деле он метил ночную дорогу для разведчиков, если им вдруг придётся возвращаться в темноте.

В бинокль Сабиров осмотрел подходы к башне и наметил места для засады. Площадка возле высоченного строения заросла деревьями и кустами, но зоркие глаза разведчика заметили натоптанную тропку, ведущую, как видимо, к входу внутрь. Старший группы решил пятерых разместить по периметру башни, а сам с напарником выбрал себе место в стоящем рядом трехэтажном старинном доме с провалившейся крышей. Как начало смеркаться, разведчики бесшумно вышли из дома, и быстро пройдя по узкому мостику с сохранившейся узорной оградкой, затаились, где наметили.

За долгие годы войны, все они, опытные бойцы, привыкли часами не двигаться. Иногда, чтобы избежать затекания мышц от неподвижности, они поочередно напрягали их, не издавая при этом ни звука. Вдруг затаившаяся у самого входа в башню пара разведчиков увидела со стороны дальнего дозора быстро мигающую красную точку. Это подавался сигнал о том, что к ним идёт гость, или гости.

Звёзды на безоблачном небе давали слабый свет и привыкшие к тьме глаза бойцов вскоре заметили некое движение между теней деревьев. Старавшийся двигаться тихо неизвестный вдруг кашлянул и начал сморкаться. Шумно вытерев нос, он продолжил осторожно шагать к башне. Подойдя к входу, остановился, покопался в карманах, вытащил спички, зажёл. Вспышка осветила бородатое лицо аборигена. В это время разведчики, выскочив из кустов, начали крутить его. Однако неизвестный в это время зачем-то наклонился, и поэтому зажать ему сразу рот не удалось.

– А-а-а-а-а!!! – завопил тот. – Вы чё делаете?

– Заткнись, гнида! – страшно прошипел один из разведчиков, пихая ему кляп в глотку.

Напарник умело вязал руки «языку». Подхватив пленника на руки, они по намеченному еще засветло пути отошли к трёхэтажному дому. Вскоре к ним присоединились остальные.

– Чего он у вас орал? – недовольно спросил Сабиров. – Вдруг с ним кто-то ещё был?

– Да вроде он один был, – сказал дозорный, давший световой сигнал. – Я больше никого не видел и не слышал.

Другие разведчики тоже сообщили, что кроме сопливого бородача, ничего не заметили.

– Всё равно, – Сабиров сплюнул. – Не дети, не первый раз. Аккуратней надо действовать, внимательнее. Ладно, пошли на базу.

Он наклонился к «языку» и зашипел тому в ухо: «Если ты, гад, вздумаешь бежать или пакостить, я тебе кишки на шею намотаю и на них повешу!»

Собеседник, чьё лицо подсветили узким лучом фонарика, мотал головой, пытаясь выдавить кляп. Тело его вдруг начало сгибаться и дёргаться. Сабиров взял его рукой за плечо, а другой выдернул кляп. Пленник шумно задыхался, успокаиваясь.

– Я, у меня, я, у меня нос заложен, не работает совсем, – он зашумел носом, извергая слизь. – Вы мне рот не затыкайте, я дышать только им могу. А если рот закроете, то я умру или задохнусь совсем.

Сабиров секунду молчал, потом взял его за грудки.

– Ты понял, что если начнёшь шуметь, я тебя на твоих кишках повешу?

– Да, да, я тихо буду, – бородатый вытер нос о своё правое плечо. – Только быстро не идите, а то задыхаюсь я. Но я вам ничего не скажу. Вы бандиты, плохие люди.

– Так, – Сабиров прислушался, не обращая внимания на обещания пленника. – Идём клином. Сопливый в центре. Я замыкающий. Пошли.

Группа выбралась на улицу, снова перешла речку по мостику, и миновав здание, где отсиживались днём, небыстрым шагом двинулась в сторону вокзала. Технику решили не вызывать. На незнакомых улицах, ночью, её можно было легко потерять в неожиданной засаде неизвестного врага.

Под ногами шуршал много лет копившийся мусор, трещали сгнившие веточки. Маршрут был намечен ещё днём. Доставивший их БТР на обратном пути ехал, давя оставленные двадцать пять лет назад людьми автомобили. Машин на улицах было много. Бронетранспортёр вмял у кого салон, у кого багажник. Попавшийся микроавтобус откинул на тротуар. По этим приметам и двигались разведчики. Несмотря на слабый звёздный свет, заблудиться было бы трудно. Примерно каждые пятьсот шагов группа останавливалась и бойцы прислушивались. Но кроме шуршания веток деревьев ничего не беспокоило тишину ночного призрачного Екатеринбурга.

Внезапно передовой дозор встал.

– Что такое? – вполголоса спросил подошедший к ним Сабиров.

– Да сыростью вдруг потянуло, – так же тихо ответил разведчик. – Болото, что ли? Не заплутали мы?

Старший покрутил головой и принялся. Действительно, слева тянул влажный воздух, пахло сыростью.

– Нет, нормально всё, – он осмотрелся. – Это местный пруд здесь. Значит, верно идём, если он слева.

Вдруг вдалеке, в стороне вокзала, загремела стрельба. Разведчики снова остановились. В сырой ночи хорошо было слышно, как грохотали автоматы. Потом раздался гулкий, ужасающий вой десятков или сотен псов. Сабиров огляделся, и быстро увлёк группу на захлапленный тротуар. Бросив пленника на землю, бойцы приготовили оружие. Один из них ударился плечом о что-то упругое. Откинувшись назад, он поднял голову. Перед ним была пластиковая витрина тумбы с разборчивой даже в свете звёзд надписью «Филармония».

– Тихо ты! – Сабиров обернулся на шум. – Не греми.

Впереди, по маршруту, в стороне вокзала возникли желтоватые лучи прожекторов. На просветлевшем небе чёрным силуэтом проявилась церковь, стоящая слева от дороги. Присмотревшись, старший увидел за деревьями очертания пяти или шестиэтажного здания. Подумав секунду, он приказал двигаться за ним к этому дому. Стёкла в окнах были разбиты, и разведчики без труда вскоре поднялись на крышу. Сопливого бородача оставили под присмотром в подъезде.

Над вокзалом металась лучи прожекторов, слышались собачий вой и лай. Стрельба шла короткими очередями. Потом всё затихло. Однако, немного погодя, чутко слушающий темноту Сабиров услышал шум движка бронетранспортёра. Тот повозился, порычал и замолк.

После недолгого совещания разведчики решили двигаться дальше. Они опасались, что днём на улицах может появиться противник, и тогда они надолго застрянут. А сейчас пойдут, сколько пройдут.

Из подземелья

После полуночи на конвой напали собаки. Незамеченным разведчиками лазом несколько псов пробрались на вокзал и подкрались сзади к дозорным. Опытные бойцы, те были насто-роже. На одного из них, лежащего на придвинутом к окну столе, нанесло запахом псины. Мгно-венно среагировав, он, развернувшись на спину, дал короткую очередь в темноту. Вспышки высветили горящие глаза собак, которые, ни на секунду не растерявшись, бросились в атаку. Благо, что дозорные заранее наметили себе направления стрельбы не только на площади, но и с тыла. За годы долгой войны, действуя в основном в партизанских дружинах, они всегда ожи-дали нападения со всех сторон. Пальба шла буквально две-три минуты. Изрешечённые пулями собаки легли на бетонном полу вокзала.

Однако, как позже выяснилось, ночной бросок на вокзал был отвлекающим ходом напа-давших. Поневоле прислушавшиеся к стрельбе патрульные на других пикетах отвлеклись на несколько секунд, и в это время на них обрушились собачьи стаи. По сигналу тревоги с крыши вокзала, с эстакады полился свет от прожекторов.

Визг, крики, выстрелы, удары об железо разнеслись над станцией. Вдруг, минут через десять, всё стихло. Собаки, повинаясь неслышному приказу, помчались обратно в темноту.

Страхнув с ножа собачье тело, Ринат подобрал отброшенный автомат и помчался за псами. Вместе с ним побежали ещё трое разведчиков. Слово уловив их мысли, сразу два про-жектора обрушили свои лучи на убегающую стаю. Прыгая через рельсы, бордюры, запинаясь о раненых, огрызающихся псов, разведчики выскочили на небольшую площадь. На их глазах, освещённые прожектором с крыши вокзала, десятки собак скрылись в небольшом бетонном павильоне. «Где они там поместились?» – удивился Ринат.

Осторожно подойдя поближе, один из разведчиков посветил фонариком внутрь пави-льона. Вниз уходила лестница. А где-то там, в чёрной глубине, мерцали собачьи глаза.

– Давай к командирам, – распорядился Ринат, глянув на одного из разведчиков. – Доложи и скажи, пускай тащат взрывчатку. Завалим это гнездо.

Он отошёл назад и оглядел странный павильон. Наверху увидел огромную букву «М».

Метро, вот оно что. Огромная собачья будка под землёй.

Прибывший пехотный начальник суровый Гилёв осмотрел странное место и распоря-дился установить в павильоне две коробки с тротилом. Но взрыв отложили до рассвета. Сня-тыми со стоящей рядом чугунной оградки решётками надёжно завалили вход. Метрах в пяти-десяти от него поставили снятый с эшелона бронетранспортёр. В нём разместились четверо караульных, наблюдавших за павильоном.

От нападения пострадали восемь патрульных. Укусы, рваные раны, у двоих массивная кровопотеря. Всем поставили уколы от столбняка, перевязали и уложили на госпитальные койки. Раненых псов добились.

Новые дозорные наряды выставили уже только на крышах зданий или вагонов. Набо-ков приказал всем, не задействованным в патрульной службе, отдыхать. Командирам назначил совещание на десять утра и велел думать, что делать. Сам он вернулся в свой вагон и начал подытоживать события дня.

– Странный обстрел, неграмотный, не меткий, коршуны-соглядатаи, собаки, – тут он задумался. Поведение атакующих псов явно указывало на то, что ими управляли. Неужели здесь, в Екатеринбурге, какое-то царство разумных, или полумрачных животных? Никаких следов проживания людей пока не нашли. А кто стрелял из пушки? Медведи, что ли? Собаки снаряд в ствол не запишают.

В окно купе постучали. Набоков отдернул занавеску, в темноте маячил суровый Гилёв. Он махнул рукой и ушёл в сторону. Вскоре комендант конвоя услышал его шаги в коридоре.

– Ну что, командир, изловили мы местного одного, – хмуро проговорил пехотный начальник. – Эй, Сабиров, тащи его сюда.

«Неужели медведя поймали?» – мелькнула у Набокова дикая мысль.

– Пусть в зал совещаний ведут, – опомнившись, сказал он. Накинув куртку, и подпоясавшись брезентовым ремнём с висевшим на нём кабуром с пистолетом, Руслан вышел из купе.

В углу зала, на стуле, обитом красным сукном, сидел бородатый чернявый мужик лет сорока. Руки связаны за спиной. Камуфляжная куртка разорвана на груди, одного рукава нет. На хмуром сморщенном лице кровь.

– Сдаваться не хотел, – пояснил здоровенный Сабиров. – Пришлось немного помять. Отобрали у него бинокль и наган. Ничего, кричал, не скажу, отомстят, мол, за меня.

Посмотрев на задержанного аборигена, Набоков велел одному из разведчиков охранять его, а сам вышел в коридор, поманив за собой Сабирова.

Тот пояснил вполголоса, что они сидели в засаде около высоченного здания, похожего на трубу. Несмотря на то, что днём в нём никого не нашли, Гилёв предположил, что такой прекрасный наблюдательный пункт может кем-то использоваться.

Разведчики наметили себе места для ночной отсидки, потом, в сумерках, бесшумно прокрались к ним и затаились. До атаки на конвой к зданию тихо и неспеша, но выдавая себя шуршанием одежды и сопением, подошёл вот этот бородатый мужик. Они начали его мягко крутить, но он воспротивился и порвал на себе одежду. Может, с ним был кто-то ещё, но после шума затаился. Разведчики не стали никого искать, а быстро отступили по еще засветло наметенному пути. Вскоре они услышали стрельбу на станции, собачий вой, увидели сполохи прожекторов и решили пересидеть суматоху на крыше какого-то здания. Когда переполох стих, выждав с полчаса, двинулись к вокзалу. И вот, доставили языка.

– Молодцы! – Набоков пожал ему руку и приказал: – Контрразведку позови.

Терпеливо дожидавшийся окончания разговора Гилёв сообщил ему, что для задержанного уже подготовлено камера в комендантском вагоне, наручники и ножные кандалы.

Бородатый засопел так, что верхняя губа прилипла к носу. Он нагнул голову, как бы съезжаясь в клубок, защищая себя, и искоса посмотрел на Гилёва. Руслан же сел на диван напротив и нахмурился. Он привык добывать информацию, но быстрыми и жёсткими методами. Сейчас ситуация к такому поведению, видимо, не располагала. Бородатый был первым человеком, встреченным за Уралом. Набоков подумал, что возможно, он член местной общины. И хотя уже есть пострадавшие, но никто не погиб. И может быть, удастся найти с аборигенами общий язык, заключить союз. А говорит с ним пусть профессионал в таких делах, как добытие сведений.

Начальник группы контрразведки Татьяна Сергеевна Львова прибыла с одним из своих оперативников, мрачным, медведеподобным Алексеем Пруткиным. Тот принёс с собой сумку с инструментами. Львова, высокая, стройная, с профессионально поставленным давящим взглядом, от которого непривычному человеку хотелось залезть под стол или просто убежать, глянула на аборигена, и под села к Набокову.

– Вы бы отпустили парней, – она кивнула в сторону Гилёва и разведчиков.

– А и правда, – Руслан повернулся к ним и разрешил отдыхать.

Львова, не обращая внимания на бородатого, завела разговор о сегодняшнем обеде. Оказывается, она не успела перекусить, так как моталась по городу, а порцию на камбузе не оставили. Пришлось временно вставать на довольствие к артиллеристам. Набоков сочувственно качал головой. Он понимал, что этот разговор не для него, а для задержанного. Тот сейчас вслушивается в каждое слово и гадает, что с ним будет. Ведь при допросе главное приковать внимание хранителя информации, заставить его напрячься, раскачать его эмоции. От напряжения он неизбежно начнёт ошибаться. Пойдут нестыковки, а ими можно его укорять, обвинять во лжи. От этого допрашиваемый ещё больше разволнуется, раскраснеется, и станет ещё

хуже соображать. И поневоле проговорится. Лишь бы не замыкался, не молчал. Но для оживления разговора есть Лёша Пруткин.

Львова вновь глянула на бородатого. Тот успокоился, слушая обеденные разговоры, и шмыгал носом. А так нельзя. Надо ему волноваться.

– Лёша, что ты стоишь? – удивилась Татьяна Сергеевна. – Доставай приборы. Время позднее, спать пора. Быстро его изрежешь и всё. Завтра же рано вставать.

Подручный молча достал из баула разрисованную фиолетовыми цветочками клеёнку, расстелил её на столе. Вынул клещи с крючками на ручках, посмотрел на аборигена, на клещи, убрал их обратно.

– Он же обмочит тут всё, – Лёша повернулся к Набокову, бесстрастно наблюдавшему за ситуацией. – Давайте его на путях разрежем.

Руслан сделал вид, что думает. Меж тем из сумки появились блестящие тонкие ножи с прямыми и изогнутыми лезвиями, какие-то коробочки, внутри которых позвякивал металл, молоток, странно выгнутые пинцеты, шприцы, спиртовка и прочий инструмент контрразведки.

– Тебе иголки под ногти какие загонять? – неожиданно громким чистым голосом спросила Львова

– А? Что? – бородатый как очнулся и откинулся назад, подальше от страшных железяк. – Какие ногти? Вы что? Что вам надо?

– Иголки под ногти тебе раскалённые или холодные? – уточнила Львова. – Горячие больнее, но зато пальцы быстрее немеют.

Лёша загремел коробочками и не спеша разжёл спиртовку. Абориген тяжело задышал, не отрывая взгляда от синего язычка пламени.

– Кто ты такой? – Львова дёрнула его за бороду. – Хочешь жить? Жить хочешь?

– Да, да, – забормотал тот. – Я хочу.

– Если хочешь, говори. Как тебя зовут!!?

– Саша. Саша с Уралмаша, – бородатый глубоко вздохнул. – Я тут живу. Вас мы за бандитов приняли.

Ещё зимой на вокзал прикатили два небольших поезда. К одному была прицеплена бронированная дрезина. С них сошли вооружённые люди и начали рыскать по городу. Но собачьи патрули их вовремя заметили и предупредили своих вожатых.

– Как это предупредили? – уточнил Набоков. – Они говорящие, что ли?

– Да нет, нет, – пленник замялся, подыскивая слова. – Девчонки могут с ними общаться, командовать, руководить в общем. Они как-то разговаривают между собой.

– А коршунов тоже девчонки наводят? – Руслан пристально посмотрел на него. – Ну-ка, расскажи.

Собеседник закричал, заёрзал на кресле. Лёша брякнул своими железками.

– Нет, коршунами парни заведуют, – бородатый на секунду прикусил нижнюю губу и продолжил: – Там, у нас есть такие, после ужасов народились. И девчонки, и парнишки. Они могут с животными очень хорошо понимать друг друга. Я не разбираюсь в этом. Я так-то, только школу закончил, когда это случилось. Один остался, вообще. Кругом покойники. Я в супермаркете жил, там консервы были, рыбные, сайра и шпроты. Эх, сейчас вспомнить страшно.

– Потом мемуары свои диктовать будешь, Саша с Уралмаша, – резко сказала Львова. – Сколько народу в Екатеринбурге живёт, чем занимаются?

Со слов аборигена в городе обитало около десяти тысяч человек. В основном, на окраинах, у своих огородов. Старшим по Екатеринбург у выбрали лет пятнадцать назад Юрия Михайловича Неймана, бывшего адвоката, из военных прокуроров. Он до сих пор и командует. Порядок есть. В этом году собирались экспедиции отправить в Тюмень, в Пермь, Челябинск, Нижний Тагил. Нейман хотел торговлю открыть, общаться с соседями, если те найдутся. А тут эти на поездах налетели. К ним на встречу трое поехали, поговорить, узнать, что к чему,

кто такие. А они пальбу открыли, двоих ранили. Хорошо, что собаки на подстраховке были. Кинулись на бандитов, порвали их немного. Переговорщики на санях умчались.

– Лошади у нас хорошие, – бородатый улыбнулся. – Я сам тройку подобрал.

Хотели сами атаковать этих приехавших, но они быстро на поезда свои сели и уехали. После этого на телебашне, около которой его и скрутили разведчики, стали наблюдателей выставлять. Сегодня утром увидели много составов. Решили, что бандиты вернулись мстить. Послали на разведку коршунов и собак. Получили сведения, что много оружия, пушки есть.

– А у нас и самих гаубица имеется, – многозначительно произнес Саша с Уралмаша. – Только стрелять никто не умеет толком. Её давным-давно к цирку приволокли, смазывали постоянно. Снаряды, чтобы не промокли, в метро рядом положили. А сегодня и бахнули. Только не попали. Хотя, когда дым увидели, обрадовались, думали, загорелось что-то.

– А почему у вас стрелять некому? – Набоков откинулся на спинку дивана.

– Так военных-то никого не осталось, – пояснил бородатый. – Только сам Нейман, но он прокурором был, да и то, за взятки выгнали, говорят.

– Во как, – Руслан задумался на минутку. Потом встал, достал из заднего кармана брюк маленький складной ножичек и развернув за плечо пленника, разрезал верёвки на его руках.

– Значит, так, Саша с Уралмаша, – комендант конвоя помолчал. – Сейчас или как солнце встанет, пойдёшь к своим. Скажешь, что завтра, точнее, уже сегодня, в три часа дня, на мосту через речку вашу мы будем ждать ваших переговорщиков.

– Какую речку? – удивился бородатый.

– Там, где дом красивый и народ раньше гулял. Понял?

– А, так это Плотинка.

– Вот и хорошо, что понял. Есть хочешь?

– Да. Очень хочу. И по нужде очень хочу.

Когда бородатого увели на камбуз, Львова поинтересовалась у Руслана, откуда он знает про Плотинку и красивый дом.

– Меня ещё пацаном возили сюда, – вздохнул Набоков. – В аквапарк. Так здорово там было. Только его и помню, да здание это красивое. Очень мне понравилось тогда. Ну, что, Татьяна Сергеевна, пойдём спать? Завтра много дел у тебя, и у меня. Давай, настропали своих парней. Утром в девять жду к себе, с мыслями, с умными решениями и замечательными предложениями.

– Есть, – сухо ответила Львова и ушла.

Из документов по конвою

«Определить медико-санитарную часть конвоя в составе трёх терапевтов, двух хирургов, одного стоматолога, одного санитарного врача, пяти фельдшеров, семи медработников. Главным врачом конвоя назначить Татаринова Игоря Рышардовича... иметь к началу экспедиции не менее 300 многоразовых шприцов в наборе, 10000 упаковок одноразовых шприцов...»

«...утвердить штат фармацевтической службы из расчёта три провизора и одного фармацевта для медико-санитарной части, двух провизоров и одного фармацевта для ветеринарной службы конвоя...»

«...подготовить запасы воды из расчёта на одного человека в сутки, питьевой воды не менее двадцати литров... Подготовить для нужд конвоя два хлоратора и две бактерицидные установки для обеззараживания воды...»

«...сапёрной службе конвоя получить на складах инженерного центра мин типа ТМ-57 – 152 штук, ОЗМ – 1314 штук, МОН-50 – 1 840 штук, тротила – двадцать тонн, пластика – четыре

тонны... колючей проволоки – десять тонн, МЗП – десять тонн, лопат больших сапёрных – 200 штук, лопат малых – 300 штук, топоров больших – 200 штук, топоров малых – 200 штук, ножниц по металлу – 40 пар...»

«... обязанность ведения журнала боевых действий вменить начальнику штаба конвоя или лицу, его замещающему...»

«... цистерну со спиртом передать в ведение медико-санитарной части. Включить её в состав медицинского поезда. Использовать спирт только с разрешения главного врача конвоя...»

«Разъясняю в последний раз, что ветеринарный состав эшелона «Чёрный Бык» подчиняется начальнику эшелона Иреку Фаридовичу Галимову...»

«Установить сроки ношения рабочей одежды для артиллеристов бронепоездов «Урал», «Кама», «Фантомас», «Мортира», сапёрам, инженерам поезда «Киянка» шесть месяцев...»

«... включить дополнительно в норму питания для экипажа поезда учёных «Головастик» сахар из расчёта тридцать грамм на человека в сутки дополнительно...»

«Начальникам поездов «Крупа» отпускать провизию только на основании требований установленной формы. Продукты, полученные как подарок, обмен или добытые самостоятельно в пути, оприходовать по акту...»

«Командирам и начальникам поездов подавать рапорта о движении личного состава, состоянию вооружения, техники, материальных запасов ежедневно до 20.00 начальнику штаба Сибирской Экспедиции...»

«...на одну верховую лошадь иметь 24 подковы, 72 шипа, гвоздей подковных 1,6 килограмма из расчёта на год. Ключ для ввинчивания шипов один на вагон с лошадьми. Седло верховое или вьючное одно на год...»

«Утвердить флагом конвоя Сибирской Экспедиции батальонный флаг русской армии: три горизонтальные полосы, верхняя – белая, средняя – оранжевая, нижняя – чёрная. Иметь флаг в каждом поезде конвоя»

Транспозиция

– Так надо ведь наблюдать с высокого здания, я про это знаю, я же военный, хоть и прокурор, – мэр Екатеринбурга Нейман пожал плечами. – Вот я и отправил Сашу посмотреть. У него с собой карандаш и тетрадка были, чтобы записывать.

Набоков покачал головой. Вместо ожидаемого здесь председателем Высшего Совета мощного союза уцелевших перед комендантом Сибирской Экспедиции была обыкновенная нерадостная картина. В Екатеринбурге сейчас проживало около десяти тысяч человек. Большинство на окраинах, у своих огородов. Жили бедно, можно сказать, существовали. Но это не его забота. Завтра Нейман с двумя наиболее уважаемыми горожанами отправится в Казань на одном из «Фантомасов». Пускай договариваются с президентом и другими начальниками. Главное сделано – екатеринбуржцы с большой охотой согласились присоединиться к Евразии. После февральского налёта, сильно перепугавшего их, они готовы были даже уехать отсюда.

Но Набокова, Никитина и Гилёва очень заинтересовали собаки, управляемые на расстоянии.

– Это случайно выяснилось, – Нейман наслаждался коньяком, как минимум сорокалетней выдержки. – У нас, что вполне естественно, несмотря ни на что, стали рождаться дети после катастрофы. И лет через пять-шесть заметили, что некоторые девочки разговаривают с собаками. А их, знаете, много развелось. Собак, я имею в виду.

Набоков кивнул. Одичавшие собаки, объевшись мертвечины, не боялись никого и ничего. Огромными стаями они заселили вымершие города и битвы с ними шли опасные, часто не на жизнь, а на смерть. Одна осада Ижевска чего стоила, вспомнить жутко.

– Мы, конечно, оборонялись от них, и побаивались, – Нейман с удовольствием просмаковал глоток коньяку. – А девочки смогли как-то договориться с ними. Это было поразительно. Причём, они могли общаться даже с теми из них, кого видели впервые. Понимаете? Не только те животные, что жили рядом, а приبلудные. И тогда мы стали жить, не опасаясь собак. Они уходили, приходили. И как говорили девочки, можно было видеть их глазами. А что мне оставалось делать? И мне, и другим? Мы верили.

– А коршуны? – вошёл в разговор Никитин.

– А это мальчики, – Нейман поерзал в мягком кресле. – Наши мальчики, также родившиеся после катастрофы, могли говорить с птицами. Не со всеми, нет, что вы, не со всеми. Насколько я знаю, с коршунами, и с воронами.

– Вы не пытались их изучать? – Набоков налил себе в стакан брусничного чая. – Почему так получилось, что стало причиной?

– Безусловно, – раскрасневшийся Нейман кивнул. – Конечно. У нас есть два таких, как бы, анахорета, что ли. Вот они ведут записи, дети с ними общаются. Хотя. Какие это сейчас дети. Они сами уже взрослые и у самих малыши появляются. Но единственное, что удалось выяснить, так это, это...

Нейман задумался, вспоминая.

– Транспозиция, – медленно выговорил он учёное слово. – Случайно узнали. У всех, и мальчиков, и девочек, тех, кто может общаться с животными, зеркально расположены органы. То есть сердце не слева, а справа. А печень, наоборот, не справа, а слева. Ну, и так далее. У нас примерно половина детей таких родилась и кстати, продолжают рождаться. Так вот, у многих из них такая способность проявилась.

Набоков, Никитин, Гилёв и сидевшая чуть в сторонке Львова переглянулись. Такие специалисты очень бы пригодились в походе на восток. Пусть в их способностях разбираются учёные, а командирам нужны их возможности.

– Вы тут отдохайте, – Набоков поднялся. – А нам надо распоряжения по эшелонам отдать. Из-за встречи с вами мы задержимся здесь на неделю. Так что необходимо изменения в боевой распорядок службы внести.

– Конечно, конечно, не беспокойтесь, – Нейман ласково поглядел на две, ещё не початые бутылки с коньяком. – Я тут посижу, вас подожду. Всего хорошего вам. Командуйте на здоровье. А можно ещё сыра, лимончика и рыбки копчёной? Давненько я осетров не пробовал. Распорядитесь? Благодарю вас.

Пельмени всегда хорошо

После окончания утреннего осмотра сорока лошадей и пяти коров, помощник ветеринара Манжура пришёл в гости к Якову Седых. Старшина позвал поесть пельменей, налепленных собственноручно.

Лошадиный медик немного запутался в двухэтажных одинаковых купейных вагонах «Спальников», стоявших посреди конвоя. Подсказал ему дорогу к пельменям куривший на улице стрелок.

– Ты чего тут бродишь, ветеринар? – поинтересовался он. – Кобыла убежала?

– Да нет, – усмехнулся Манжура. – Седых ищут. Что-то запомнил, где он проживает.

– Так он во втором «Спальнике», – стрелок махнул рукой направо. – Там весь ваш эскадрон обитает.

– Спасибо, – Манжура пошагал, куда указали.

В купе старшины сидели неразлучные пистолетчики и Сабиров. Хозяина не было.

– Пельмени свои варит, – пояснил Саня Орлов. – Садись, что стоишь. Чего это у тебя в сумке?

– Подарочек, – Никола вытащил из брезентовой авоськи литровую флягу и аккуратно положил её на столик. Осмотрелся: – Неплохо живёт пехота. Это у вас у каждого по купе?

Юсеф кивнул.

На двух верхних полках у Седых было свалено всё имущество – спальник, куртка, пакеты с чистым бельём, РПГ, два «Шмеля», какие-то фанерные коробки. На стенках купе висели бинокль, разгрузка, серо-зелёная кепка.

– Удобно, когда места много, – Манжура присел. – У меня меньше места, да мне и не надо.

– Мы тут вспоминали, кто где был, когда катастрофа случилась, – прогудел Сабиров. – Ты-то помнишь, Никола?

Тот вздохнул.

– У меня всё как отрезало, – он провёл рукой по голове. – Ничего нет в памяти. А ты где был?

– Мне тогда шестнадцать лет исполнилось, – Сабиров вздохнул, откинулся на стенку купе и прикрыл глаза. – В школе на уроке отпросился в туалет. Руки стал мыть, и тут качнуло меня, в голове что-то как проскребло. Думаю, что это такое? Грохот какой-то вдруг пошёл, звон стеклянный. Выбежал в коридор. Дверь в класс, что рядом, открыта. Я туда глянул и остолбенел. Все лежат, кто на полу, кто на столах. Кровь везде. Стекло в окне выбито. Кругом осколки, обломки мелкие какие-то. Думал, война началась, бомбят нас. Потом уж понял, что не война, а хуже...

– Это от телефонов переносных, – Юсеф потёр подбородок. – Я сам их не видал, мне в детском саде и школе говорили.

– Мобильные, точнее, сотовые телефоны, – поправил его Сабиров. – Они взорвались все одновременно. Вообще всё взорвалось – компьютеры, телевизоры, печки микроволновые. Вся электроника бабахнула в один миг.

– А почему? – Манжура перевёл взгляд с висевших на стенке карманных часов на Сабирова. – Почему вся техника эта взорвалась?

– Никто не знает, – улыбнулся Саня Орлов. – Нам вот с Юсефом объясняли, что может буря космическая пронеслась над Землёй, может ещё что.

– Да, наверно, – задумался Сабиров. – Не зря ведь магнитные полюса сдвинулись. Как мне говорили учёные наши, сейчас Северный полюс магнитный где-то в Америке, а Южный в морях далёких. Компасы пришлось по-новому делать. Так проще, чем карты перерисовывать, ведь от катастрофы меридианы всякие сдвинулись, перепутались.

– Нам говорили, что только в детских садах мало кто пострадал, – Юсеф снова потёр подбородок. – Но выжили всё равно не все. Пока уцелевшие в чём-то разобрались, пока до детских садов дошли. Саня вон, говорили, от обезвоживания погибал, когда его нашли. А кто наши родители, как они нас звали, так неизвестно и осталось.

– Открыть дверь, пистолетчики-разведчики! – проорал, появляясь в дверях, Седых. В руках он держал большущий эмалированный тазик, с горкой заваленный парящими пельменями.

– Не ори, а заходи скорей, – Сабиров принял у него таз и поставил на столик. – Доставай кружки, Никола что-то там принёс.

– Коктейль ветеринара «Мечта старого мерина»? – весело посмотрел на Манжуру Седых.

– Нет, – засмеялся тот. – Просто разведённый спирт.

– Ах, как жалко, – старшина, привстав, вытащил с верхней полки кожаный несессер. В нём хранились изящные серебряные рюмочки и великолепные серебряные же ножи, вилки и ложечки. – Неужели этот старинный питьевой набор познакомится сегодня с пойлом простолюдинов вместо изысканных вин и коньяков?

– А куда он денется? – Сабиров вручил каждому по вилке. – По три пельменя скушаем, рюмочку выпьем. Приступим, господа. Вкусно.

Выпили, поморщились от горьковатого привкуса спирта, ударившего в нос, заели горячими пельменями.

– Будет время, я вас башкирскими котлетами угощу или казанским жарким, – здоровенный Сабиров расстегнул пуговицы на рубашке, стало жарко богатырю.

– Ну-ка, расскажи, – Седых никогда не пропускал случая узнать новости кулинарии, считая её самой важной в мире наукой. – Случай подвернётся, сделаем.

Сабиров постукал вилкой по пустой рюмочке, как бы намекая, что рецепты посуху не ходят. Опрокинув свои пятьдесят грамм и дождавшись того же от друзей, он заговорил: «Берешь поровну баранину, конину, говядину, только мякоть, и через мясорубку их пропускаешь. Соль, перец, и подкинуть жареного лука. Всё это перемешать хорошенько. Из фарша котлеты делаешь, только не круглые, а такие, как магазин у пистолета, вытянутые. В муке их валяешь, потом в бараньем сале жарить немного. Поджарились, в духовочку их на две-три минуты. Достал, маслом полил, лучком зелёным, укропом посыпал и с гречневой кашей их. Вкуснотища! А казанское жаркое ещё проще. Баранину порезал, немного обжарил, в горшочек положил. Картошку почистил, пополам разрезал, поджарил чуть, на баранину уложил. Чернослив знаете? Его помыть холодной водой и сверху на картошку. Жареным луком засыпать, помидоры сверху, маслица топлёного чуток. Ну там соль, перец, лаврушку, бульоном мясным залить и в духовке на часик. Два таких горшочка съешь, весь день сытый ходишь».

Приятно вести разговоры про еду за богатым столом. Друзья внимательно выслушали рецепты Сабирова и начали вспоминать, что, когда и где ели они.

Но тут в коридоре зашлёпали чьи-то шаги. В купе заглянул заспанный стрелок, мадьяр Тибор в одних трусах и розовых тапочках.

– Э, ничего себе, – он зевнул. – Думаю, кто героям мешает после ночного патруля отдыхать? А это старшина молодец. Налейте-ка отличнику погранслужбы, а пельмени можно совсем не давать.

– Давай, заходи, – Седых кивнул. – Только не ори, остальных разбудишь, а тут самим мало. Будешь должен.

– Я тебе ещё раз жизнь спасу, – стрелок почесал встрёпанную голову. – Наливай скорее, а то Васю разбужу.

Старшина ткнул в бок Манжуру.

– Наливай, Никола, этому бандиту. Васю нам не надо. Он один тут всё сожрёт и выпьет.

Спирт плескался в рюмках с почерневшими вензелями, высветляя доньшки. Пельмени макали в тёртый хрён со сметаной и тарелку с уксусом – кому что нравилось. Говорили о новых союзниках из Екатеринбурга. Сошлись на том, что если они смогут выставить бойцов триста-четыреста, уже будет хорошо. Потом захмелевшего Манжуру уложили спать, а бойцы ушли на обед, где им полагались ежедневные сто грамм походных. Николаю опять приснились

странные сны. Негр в синем халате что-то кричал ему и бил палкой по ногам. Вокруг стояли хмурые смуглые люди и дёргали его за нос, за уши, за кожу на плечах и груди. Застонав, Манжура проснулся. В купе было темно, но в коридоре горели лампы. Там кто-то разговаривал. Николай встал с дивана и вышел из купе. Увидевшие его стрелки приветственно кивнули и продолжили что-то обсуждать.

Манжура помотал головой и двинулся к себе. Он решил больше никогда не пить.

Из распоряжения службы тыла Евразии

«Для представительских нужд конвоя выделить водки различной 1500 (полторы тысячи) бутылок, коньяку различного 4000 (четыре тысячи) бутылок, вина различного 1000 (тысячу) бутылок, приборов столовых серебряных – 60 (шестьдесят) штук, хрустальных столовых наборов – 200 (двести) штук, сувениры, флаги, золотую и серебряную канитель, подарочные наборы ...»

Разговоры, версии, теории

Анахореты, про которых говорил бывший военный прокурор, а ныне главный в Екатеринбурге Юрий Нейман, пришли к учёным конвоя не одни. С ними была молодая пара – высокий рыжеватый мужчина и полненькая улыбчивая девушка.

– Это муж с женой, – представил их один из анахоретов, Вадим Степанович. – Они, собственно говоря, и есть наша главная защита. Светлана общается с кошками и собаками, а Андрей с коршунами и воронами. Я, хоть и физик с высшим образованием, и даже учился в аспирантуре, изучая вопросы трения поверхностей, как вид молекулярного обмена веществ, ничего в делах наших, гм, коллег, понять не могу.

Его учёный напарник, Владислав Юрьевич, оказался астрономом любителем, по давнишней профессии переводчик на одном из местных заводов.

– У нас есть материалы наблюдений за последние пятнадцать лет, – Вадим Степанович вытащил из ободранного кожаного портфеля кипу исписанных листов. – Но, наверное, лучше так переговорить пока, без бумаг. Обозначить, скажем так, предмет дискуссии.

Учёные конвоя, всего их было десять человек (один из них представлял ведомство Татьяны Сергеевны Львовой, но про это просили не говорить на встрече), встречали гостей в своём салон-вагоне, обделанном гладко струганными досками, выкрашенными в спокойный бежевый цвет. На столе дымился огромный алюминиевый чайник, стояли чашки с вареньем из морошки, малины, смородины, крыжовника, в тарелках дожидались едоков крупно нарезанные пироги с рыбой, капустой, яйцом, мясом, сладкие булочки аппетитно отсвечивали румяными боками. Чай – заваренный брусничник, пили из гранёных стаканов, позвякивающих о желтоватые подстаканники из мельхиора.

– Хотя, – Вадим Степанович оглянулся на своих. – Мы увидели, что ваши поезда висят в воздухе. Как вам удалось такое сконструировать? Электромагнитная подушка?

– Нам есть о чём поговорить, – биолог экспедиции Лаврентьев разливал тёмный чай по стаканам. – Загадок после катастрофы осталось множество, и постепенно их становится всё больше, несмотря на попытки их раскусить.

– Прекрасный чай, – Владислав Юрьевич потянулся ложечкой за крыжовничьим вареньем. – Мы в основном употребляли для заварки шиповник, но, к сожалению, он разрушает зубы, так что перешли на листья смородины и малины. Эх, настоящего бы чаю! Как ни пытались сохранить то, что было в магазинах, всё стало трухой, как и растворимый кофе. А зерновой как-то быстро кончился.

– У нас та же проблема, – Лаврентьев улыбнулся. – Давайте послушаем вас, а потом мы расскажем о своих делах.

Андрей и Светлана, сначала, видимо, немного смущённые кожаными диванами, изобилием освещения – на стенах салона горело с десятков бра, сидели тихонько. Но вскоре они, привыкшие к повелению и принятию решений, обвыклись и разговорились.

– Я сама не знаю, как получилось, – девушка откашлялась. – Маленькая была, лет пять всего. У нас собаки домашние были, охраняли нас. Ну такие, дворняги. Но большие собаки. Я играла с Щепкой, она такая чёрная была, лохматая. Я её расчёсывала, она вдруг напряглась. И я вижу вдруг, крыса! Большая такая. Морду высунула из дырки под домом и головой вертит. Я говорю – фас, Щепка! Она бросилась, но крыса убежала. А я-то на собаку тогда смотрела, а не дом. Это уже потом припомнила.

Светлана рассказала, как начала видеть глазами Щепки. Сидела дома и говорила родителям, где та бегаёт, куда смотрит. Сначала ей не верили, но потом и другие дети стали хвататься тем же. А впоследствии смогли и командовать своими Шариками и Мухтарами. Некоторые девочки с кошками так же общались. И взрослые решили создать такую собачью армию. А кошки были тоже разведчиками.

У парней с птицами получилось примерно так же. Они с ними на охоту ходили. На лосей, на кабанов. Выслеживали их в лесу.

Потом Вадим Степанович появился. Велел записывать свои ощущения, как реагируют животные. А сейчас уже у Светланы с Андреем сын трёх лет, спокойно управляет со своими домашними коршунами, у него три штуки, и двумя воронами. А у соседней дочка, ещё говорить не умеет, а собака их уже слушается её.

– Вот так, – Вадим Степанович отхлебнул чайку. – Пока у нас только статистика, даже предположений нет. Кроме меня и Владислава Юрьевича, причины никому не интересны. Привыкли люди к такому. Сверхъестественным не считают, пользуются даром и всё. Да ладно. Лучше вы скажите, у вас кто-нибудь выяснял, отчего катастрофа произошла?

Химик Наливайко усмехнулся, глянул на своих коллег. Те посмотрели на когда-то рыжего, а сейчас плешивого геолога Кабанова. Его лысая голова, где только возле ушей топорщились рыжеватые волосинки, покрылась бусинками пота. Кабанову было жарко от горячего чая.

– У меня есть версия. Пока она самая подходящая. Коллеги не совсем с ней согласны, но гипотеза эта наиболее правдоподобная, – он шмыгнул носом. – Я геологом по нужде стал, до этого совсем другим занимался. В общем, слушайте.

У нас пока есть три факта, подтверждённых, но причины их неизвестны. Можно только предполагать. Первое – это уничтожение всех, абсолютно всех и везде электронных устройств. Причём произошёл их разрыв, буквально на атомы разнесло все микросхемы. Хранилища памяти вовсе не нашли, ни одного вообще! У меня, когда я начал заниматься поиском причин случившегося, появилось ощущение, что они лопнули, как от избыточного давления. Изнутри их что-то взорвало. Откуда в компьютерах, телефонах, фотоаппаратах взялась энергия для этого, тайна. Понять ни я, ни коллеги не смогли пока.

Второе, что привлекло внимание, мощный удар, невидимый удар. Все, кто пережил катастрофу и остался в своём уме, помнят его. Ощущение шершавости в мозгу, в спине. Что-то прощрабало там.

И что любопытно. Многие люди погибли или пострадали при взрыве всяческих электронных приборов. Но подавляющее большинство умерли от этого, невидимого удара, поскольку ран не было вовсе. При вскрытии мозг у них был обмякший как бы. Выжившие доктора никогда такого не видели и пояснить причину этого не могут. Таких диагнозов не было. Мозги как варёные у погибших. И в тоже время очень немногие, получившие ранения от телефонов и других гаджетов, остались живы. Почему?

И третий факт. Смещение магнитных полюсов. Есть предположение, что они не просто переехали на тысячи вёрст, а предварительно помотались по планете. Покрутились и потом

остановились. Конечно, несколько секунд это было. Но всё же. Есть предположения, что на Землю налетела электромагнитная буря, произошло гравитационное возмущение. Что это, неизвестно, но звучит умно. Но всё это теории. Есть и другие умозаключения. Вот такие фактики в мире Галактики, как наши разведчики говорят.

– Мы об этом не думали, – Владислав Юрьевич вздохнул. – Мы выживали. Только в последнее время стали пытаться что-то систематизировать, собирать данные. Очень мало нас осталось.

– Так я же не виню никого, что вы! – химик Наливайко улыбнулся. – Если у вас есть желание, езжайте в Пермь, там наконец-то создали институт теории, чтобы мысли упражнять, да и язык разминать в дискуссиях. А то мы последние четверть века только и делали, что сражались, чинили оружие, снова сражались, заводы восстанавливали, продовольственные вопросы решали. Помню, иголки учились делать, обычные, швейные. И катушки для ниток точить. Много с нуля начали. Сейчас окрепнем и снова наукой займёмся. По настоящему, как тридцать-сорок лет назад.

– Так я дальше расскажу, – продолжил разговор Кабанов. – Дело в том, что я работал следователем, окончил, кстати, здесь в Екатеринбурге юрфак. Первый год ещё трудился. И тогда дело одно было. Долго не стану пояснять, не суть. Достали мы из речки телефон. Мобильный. Надо было посмотреть звонки, эсэмэски, кто куда, откуда звонил, причём за всё время действия этого телефона. Я помню, удивился. Говорю нашим специалистам-криминалистам, а разве можно это узнать? Ведь эти данные стираются. Память переполняется, и всё убирается. Поэтому нужно запрос в компанию телефонную писать, у них они сохраняются на серверах, да и то, какой-то срок. А мне парни отвечают – все сведения есть в аппаратах. Пускай они стираются владельцем, пускай вытесняются из видимой и доступной для него зоны новой информацией. Все звонки и сообщения здесь, начиная с самых первых, тестовых. Потом я узнал, что и с компьютерами та же история. То есть, ничего не исчезает, всё хранится в ячейках памяти. И уже в начале века были приборы, могущие извлекать эти данные. Понимаете?

– Ну, я помню, конечно, компьютеры, – Вадим Степанович, улыбаясь, постучал пальцами по столу, изображая набор на клавиатуре. – Телефоны с наушниками дурацкими этими. Но я считал, что если что стёрлось, то уже навсегда.

– Это оказалось не так, – Кабанов снова протёр лысину. – И вот моя версия катастрофы. В мире было множество различных электронных приборов, и на них постоянно накапливалась информация. Причём, даже те из них, что пришли в негодность, всё равно что-то хранили. А что такое информация в компьютере? Это набор связанных между собой электромагнитных сигналов, импульсов. Они генерировались, обрабатывались и слой за слоем ложились в свои накопители. Во время так называемого стирания они не распадались на исходные свои, первоначальные основы, из чего создавались. Да и стирания как такового не было. Было сжатие, что ли. Я так думаю. И вот, пришло время, когда эти электронные пружины разжались. И миллиарды приборов выбросили в один миг мощнейший электромагнитный импульс. Удар! Очевидно, что он попал в некий резонанс с излучениями, электромагнитными излучениями человеческого мозга и разрушил его. Сейчас на Земле всё успокоилось, только радиации работают на лампах, да телефоны проводные. Вот и всё, что осталось от электроники. Связанные, скрученные, невидимые, неосознаваемые сигналы наконец-то распались, но погубили большинство человечества. А что стало причиной этого неслышного взрыва, неизвестно. Ежедневно появлялись миллионы новых устройств, беспрестанно связывавших в виде упорядоченных импульсов информацию – в телефонах, утюгах, телевизорах и прочем. И она вспыхнула безвидно и погубила людей. Кстати, животные и растения не пострадали совсем. И появились новые тайны, которых не было раньше или просто не обращали на них внимания. Ваши и наши кинологи, необъяснимо даже для себя общающиеся с животными. Чудо-юды, везущие наши составы, и может, что-то ещё, о чём мы не знаем, или не обращаем внимания.

Главный врач конвоя Игорь Татаринов, любознательный, как настоящий доктор, не пропускал ни одного обсуждения в салоне «Головастика». Сейчас он вытащил из древней пластиковой папки ворох листов и положил их на полированный стол.

– Вот здесь данные обследования за последние одиннадцать лет, всех, кого смог осмотреть, – заявил он и замолчал, весело оглядывая народ.

– Ой, а вы врач? – оживилась девушка. – У меня что-то покалывает в боку, грызь какая-то. Посмотрите? А то у нас тётя Оля одна, санитарка бывшая, старенькая такая, ничего не понимает. Ешьте мёд, говорит, и будете здоровы.

Игорь Татаринов откашлялся, вздохнул и начал рыться в своих бумагах.

– Вот. Вот что установлено после анализирования и синтезирования сведений, полученных при обследовании, – он вытащил один лист, разграфленный в таблицу, и помахал им. – За последние годы ни у кого не зафиксирован диабет, туберкулёз, гепатит, что вовсе удивительно. Условия были сначала абсолютно антисанитарные, но никто не заболел этими заболеваниями! И самое поразительное – исчезли все и всяческие аллергии!!! Представляете?

Владислав Юрьевич посмотрел на него, на двух учёных, что-то вполголоса обсуждавших между собой, на неяркие огни бра, отражавшиеся на полировке стола, чашки с вареньем и булочками, на тёплые стены салона и неожиданно даже для себя жалобным голосом произнёс: – А можно, я с вами останусь?

Все замолчали. Собаководы глянули на него недоумённо.

– С нами вас не возьмут. Путь неизвестен и опасен, – откашлялся биолог Лаврентьев. – А переехать в Пермь, где комфорта побольше и жизнь спокойнее, вполне возможно. Думаю, что пожилым людям стоит подумать об этом. Работы у нас хватает для всех, посильной и для людей в возрасте.

Анахорет заплакал. Он сидел, опустив голову, и слёзы капали на тёмные, заношенные до блеска брюки. Однако приступ быстро прошёл. Анахорет вытер глаза, извинился и разговор продолжился.

Решили завтра провести что-то вроде испытания. Собаководы взглянут на то, что держит поезд на весу глазами своих псов, кошек и птиц, пообщаются с волкодавами из конвоя, а пермские кинологи попробуют найти общий язык с местными собаками.

Молодая пара и анахореты уселись на свою телегу, запряжённую парой унылых лошадок, загрузили туда же кульки с подарками и отправились домой. По тёмным улицам Екатеринбурга они ездили без опаски, рядом с телегой бежала свора молчаливых разномастных псов.

Баррикада как преграда

– «Клумба», «Клумба», я «Центавр», приём!

– «Центавр», я «Клумба», слушаю вас!

– В Талице на путях два состава. Возле них люди. Как понял?

– Понял вас, «Центавр». Что за составы?

– «Клумба», в составах тепловозы впереди и сзади. Вагоны, платформы. На платформах три гусеничных машины, верх зачехлён. Похожи на зенитные комплексы «Шилка» или «Тунгуска».

– Осторожно с ними, «Центавр», «Юнкерс». Сбросьте вымпел.

– Понял, «Клумба». Конец связи.

Пара вертолётчиков, отблёскивая винтами на солнце, кружилась над станцией Талица в сотне километров западнее Тюмени. Редкая для промозглого марта ясная погода давала пилотам видимость «миллион на миллион».

На станции, возле двух обнаруженных составов, суетился народ. Они поглядывали в небо, выискивая вертолётчики, и вскоре открыли по ним огонь из автоматов. Хорошо видимые полосы

трассирующих пуль потянулись к вертушкам. Те сразу разошлись в стороны и поднялись ещё выше. Сброшенный вымпел с воззванием от президента Евразии о мире и дружбе подобрали и унесли в один из вагонов.

Вскоре пилот «Юнкерса» заметил, как от станции куда-то понёсся юркий уазик. Уйдя под солнце, чтобы уменьшить свою заметность, вертолёт пошёл за ним. «Центавр» остался возле Талицы, наматывая неспешные круги, и будоража обитателей неизвестных составов. Те даже бросились расчехлять свои боевые машины, но прекратили это занятие. Изредка пилоты замечали вспышки выстрелов, это кто-то настырный пытался попасть в них.

«Юнкерс», следуя за уазиком, лихо брызгавшему грязью из-под колёс, вышел на группу строений в лесу с тёмно-красными, хорошо видимых на фоне высоких сосен, крышами. Вертушка ушла в сторону, так как пилоты увидели, что уазик встал около одного из домов. Выждав минут пять, «Юнкерс» полого спикировал на посёлок, зайдя со стороны солнца. Из домов выскакивали вооружённые люди и затеяли пальбу в его сторону.

- «Центавр», я «Юнкерс», приём!
- Слушаю тебя, «Юнкерс»!
- Здесь ещё одно гнездо. Кусаются.
- Понял тебя.
- «Центавр», «Юнкерс», я «Клумба». Приём!
- На связи «Центавр».
- Слушаю, «Юнкерс».
- Домой, домой. Уходите домой.
- Поняли тебя, «Клумба». Идём домой.

Через два часа Иона Заббаров докладывал Набокову данные воздушной разведки. Оба они пришли к выводу, что неизвестные составы, скорее всего, идут со стороны Омска.

– К нам они едут, – Набоков облокотился на стол, где лежала расстеленная карта. – Вот, мужики, смотрите, это наверняка те самые работорговцы. Двести километров до Екатеринбурга они за полдня пройдут. Это не спеша если. Что думаете?

Командиры поездов, выслушав Заббарова и Набокова, зашевелились. У коменданта конвоя собрались только боевые начальники. Тыловики, медиков и учёных не было. Они занимались своими делами. Набоков считал, что чем меньше совещаний и всяческих сборов, тем лучше. Работать надо, а не митинговать, он старался всячески придерживаться этого лозунга, провозглашённого более ста лет назад товарищем Сталиным.

– Я предлагаю постоянно держать их под наблюдением, – комброн флагмана «Урал» Сева Курилович глянул на Заббарова.

«Вертолётный царь», в походе оказавшийся абсолютно спокойной личностью в отличие от вечно шумящего во время подготовки экспедиции человека, кивнул.

– «Дракон» висит над Талицей, – он ткнул пальцем в карту. – Сейчас экипажи «Центавра» и «Юнкерса» пообедают, отдохнут, и до вечера, по очереди, продежурят.

– Надо засаду сделать, – предложил комброн «Фантомаса-2». – Вот смотрите. Допустим, они двигаются к нам.

Он взял карандаш, и перевернув его тупой стороной вниз, принялся водить им по карте.

– Два бронепоезда прямо сейчас идут на узловую станцию Богданович. Это сто вёрст. Там они притаятся на вот этой петле, – комброн провёл по дуге, уходившей со станции на север-запад и далее резко нырявшей на юг. – Пропустят их и окажутся сзади. А мы здесь перекроем путь, – он ткнул в станцию Косулино. Закупорим их, деваться некуда, сдадутся. Я готов участвовать.

– Погоди, погоди, – Набоков задумчиво посмотрел на карту. – Не всё так просто. Вот ткнутся они в нашу засаду у Косулино, вернуться назад, там тоже закрыта дорога. И они тогда, тогда они...

Руслан Калиныч внимательно разглядывал участок Транссиба от Богдановича до Косулино.

– А это что? – он пальцем в чёрно-белую полосу, струившуюся вверх от магистрали. – Баженово, а от него, от него на Асбест можно пройти. Мы им перекроем главный путь, а они уйдут сюда. Гоняться, что ли за ними? Атаковать-то их не стоит пока, может, договоримся миром.

– А по вертолётам кто стрелял? – спросил Левицкий и не дождавшись ответа, сказал: – Бандиты это, работорговцы.

– Ну, тут что к чему, неизвестно, – Набоков нахмурился. – В Ёбурге нас тоже обстреляли. Смогли же потом договориться! И не забывайте, наша цель не громить всех подряд вдоль Транссиба, а союзников искать. Потому надо всё очень тонко делать. Зачем нам враги ещё? Одних викингов хватает. Куда уж больше! И ещё. С местом у Косулино я согласен, а почему Богданович? Можно в Баженово так же притаиться, на этой ветке на Асбест.

– Так Богданович же узловая станция! – удивился непонятливости коменданта комброн «Фантомаса». – Оттуда и на север, и на юг пути есть. И очень вероятно, что там кто-нибудь да живёт. Может, это центр торговли? Там же и автомобильная дорога есть. В общем, место не простое. Нужно. Чем раньше там окажемся, тем лучше.

Подумав ещё немного, Набоков принялся не спеша отдавать приказания. Начальнику инженеров, седому, всегда серьёзному Евгению Никодимовичу он поручил соорудить на северном выезде Баженово мощный завал. В это время «Урал» и «Фантомас-2» пройдут до Богдановича и выберут место для отстоя. Можно на северной дуге, можно на южной ветке. Главное, чтобы чужаки не заметили. Далее, пропустить составы и следовать за ними на расстоянии десяти-пятнадцати километров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.